

ИЗ ВЕСТИЯ ВСЕСОЮЗНОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР АКАД. В. Л. КОМАРОВ
ЗАМ. ОТВ. РЕД. ПРОФ. С. В. КАЛЕСНИК

ТОМ LXXII — ВЫПУСК 6

НАЗВАНИЕ «ЛЯНГАР» В ТОПОНИМИКЕ ТАДЖИКИСТАНА

Почти везде в Таджикистане можно встретить селения, носящие название Лянгар. Такие селения имеются в районах: Матчинском (Лянгар-йоз, Лянгар-рогиф), Муминабадском (Лянгар-калон), Даштиджумском (Лянгар-алишо, Лянгар-дара), Гиссарском (три селения Лянгар), Нуреком, Рамитском, Шуроабадском (Лянгарихо, Лянгар), Орджоникидзебадском, Гармском (Лянгар-шо, Лянгар, Лянгарак), Комсомолабадском, Тавильдаринском (Лянгаро, Лянгар-поён), Сангворском (Лянгар-боло), Ванчском (два селения Лянгар). Это же название встречается в Вахане (на Памире), а также и за пределами Таджикистана в Узбекистане, Афганистане и восточном Туркестане. Таким образом, территория, на которой распространено название Лянгар, очень велика.

Что касается значения слова «лянгар», то удовлетворительного объяснения его найти не удалось. В современном таджикском языке слово «лянгар» означает: 1) якорь; 2) баланс, при помощи которого канатоходцы поддерживают равновесие; 3) маятник. В новых персидских словарях (Гаффаров,¹ Haim²) слово «лянгар» переводится как «якорь», причем Гаффаров делает при этом помету — «французское». Однако она здесь неуместна. Слово «лянгар», по видимому, с усеченным начальным плавным, в значении «якорь» имеется во всех индоевропейских языках: лат. *ancora, anchora*; греч. *ἄγκυρα*; нем. *Anker*; голл. *anker*; англ. *anchor*; фр. *ancre*; шведск. *ankare*; лит. *inkaras*; русск. *якорь*; хинди *langar*; санскр. *langalam*; «лянгар» в значении «якорь» имеется также в османском и других тюркских языках.

В персидском языке значение слова «*langar*» не ограничивается только якорем. Так, в одном из наиболее достоверных, толковых персидских словарей Бурхāни Кāти³ под словом «*langar*» читаем: «1) очень тяжелое железо, которое удерживает судно от движения; 2) и также называют место, где каждый день раздают народу пищу,⁴ а также монастырь (обитель)⁵ называют *langar*; 3) вал также называют, который делают из глины, дерева или камня вокруг могилы знатных людей и который по-арабски читают *darīh*».⁶ Дальнейшее значения этого слова относятся к чертам человеческого характера и нас здесь не интересуют.

К сказанному следует прибавить еще одно значение — «богательня», которое дают персидские словари Джонсона⁷ и Ягелло.⁸ В одном из наиболее старых персидских словарей Фарханги Джахангири⁹ приводятся значения слова «лянгар» как «якорь» и «место, где раздают пищу». Несмотря на все изложенное, ясности в понимании значения слова «лянгар», широко встречающегося у различных восточных авторов, нет. В виде примера можно указать на перевод и примечания, сделанные неким Майтра к слову «лянгар» в изданном им отрывке Хафиза Аbru:¹⁰ «И один из саидов Термеза, которого звали Ахунд зада Таджеддин, построил «лянгар» и там стал жить». Слово «лянгар» Майтра переводит как «богательня» и делает к этому примечание: «Лянгар значит или «общедоступная кухня» (*kitchen*) или «богательня» (*almshouse*). Однако другой издатель этого же текста Катрмер¹¹ переводит «лянгар» в данном случае как «монастырь», «обитель» (*couvent*), и он безусловно более прав, чем Майтра. Катрмер в упомянутой работе на стр. 117 делает обширное примечание к слову «лянгар». Он приводит примеры употребления его у различных авторов. Укажем на те из них, которые относятся к теме.¹² Мемуары Бабура: «был небольшой садик, Улугбек Мирза устроил его в виде лянгара (*ba surati langar*)»; Мир Алишер Наваи: «Место поклонения существует в Мешхеде, в лянгаре Ходжа Хизра»; Давлат-шах («История поэтов»): «Лянгар и хонак теперь цель путешествия важных людей и бедняков», и далее «на том месте он построил лянгар»; Матла ас-садайн Абдарразака Самарканди: «он построил лянгар и бросил [там] якорь своей жизни»; История монголов Индии: «Для расходов по лянгару и ежедневного освещения».

Таким образом, «лянгар» употреблялось в значении «обитель». Некоторые предания, связанные с тем или иным кишлаком, носящим это название, подтверждают значение «лянгар» как «обитель», так как они нередко приписывают основание Лянгара похороненному здесь же в Лянгаре мусульманскому святому.

¹ Мирза Абдулла Гаффаров. Персидско-русский словарь. Москва, 1927.

² New Persian-English dictionary by S. Haim. Tehran, 1936.

³ Burhāni Kāti, Бомбей, 1259, стр. 827.

⁴ Возможно, что с этим словом связано слово *langarī* = большие тарелки, блюда.

⁵ *xonakoh*.

⁶ *darīh*, как любезно указал академик И. Ю. Крачковский, в арабском языке означает гробницу из камня или гробницу, высеченную в скале.

⁷ Johnson. Dictionary Persian, Arabic and English. London, 1852.

⁸ И. Д. Ягелло. Полный персидско-арабско-русский словарь. Ташкент, 1910.

⁹ Farhang-i Jahāngiri. Индийское издание, 1293.

¹⁰ Persian Embassy to China, being an extract from Zubdatu't tawarikh of Hafiz Abru, translated by K. M. Maithra.

¹¹ M. Quatremère M. Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque du roi, t. XIV, p. 389.

¹² Все библиографические данные см. Катрмер, цит. работа.

Очень часто при слове «лянгар» в качестве определения стоит какое-нибудь имя собственное: Лянгар Шейхзада Баязид, Лянгар Мир Гийос; ¹ то же самое наблюдается и в отношении таджикских кишлаков, носящих название Лянгар, например: Лянгар-Алишо, Лянгари-Шо. Можно также предположить, что и другие кишлаки, носящие это название, утратили теперь сопутствовавшее ему имя собственное. Так, в Узбекистане около Ташкента известен кишлак Лянгар, который во второй половине XV в. назывался Лянгар-кутлук-ходжа-шейх.²

Хорошо известно и другое значение лянгара. Слово «лянгар» на живом уйгурском языке «почтовая станция», «постоялый двор» и в этом значении сохраняется и теперь.³ Так же переводится это слово В. В. Григорьевым в его дополнениях к книге Риттера «Восточный, или Китайский Туркестан» (стр. 421). «Лянгар» в смысле «постоялый двор» употребляется и в Средней Азии. Цитированный уже Абдарразак Самарканди, говоря о строительной деятельности Тимура, замечает: ⁴ «и в большинстве пустынь, которые были на то пригодны, строил лянгари и селения отдавал в ваиф и назначал людей, чтобы они служили проезжающим». Далее, в Фергане, недалеко от г. Оша имеется урочище Лянгар, где существовал дом для проезжающих.⁵ Следовательно, другим значением слова «лянгар» можно считать: «постоялый двор, почтовая станция, странноприимный дом».

Переходя непосредственно к таджикским селениям, носящим название Лянгар, укажем на одно явление, которое сопутствует почти всем кишлакам с этим именем. В каждом из них или недалеко от них имеется мазар (святыня). Этот факт нашел свое отражение, например, в местном фольклоре: «Новый месяц, лянгарский мазар я видел, серебряные серьги в ушах вообразившей видел...» и т. д.⁶

Эти мазары — чаще всего обычного среднеазиатского типа — небольшие глинобитные сооружения с куполом, иногда покрытое алебастром, обнесенное глинобитной оградой (дувалом). Внутри ограды обычно растет одно или несколько деревьев, почитаемых местным населением священными (тут, карагач, чинар и др.). Но приходилось наблюдать в селениях Лянгар мазары и другого типа. Так, например, близ кишлака Лянгари-боло Сангворского сельсовета мазаром считается пещера в горах на значительной высоте, к которой ведет узкая крутая тропинка, возле пещеры растет огромная арча. В кишлаке Лянгар Комсомольбадского района почитается мазаром пещера, где по преданию жил мусульманский святой отшельник. Укажем попутно, что все эти места в прежние время привлекали значительное количество паломников, в связи с чем среди жителей кишлака, носящего название Лянгар, имелись шейхи, в обязанности которых входило поддерживать мазар в порядке. Эти шейхи получали подношения от паломников и проезжих.

Интересно отметить характерную особенность перечисленных выше мазаров. Все они так или иначе связаны с священными деревьями. В Тавильдаринском районе близ селения Лянгари-пои имеется священная роща, деревья которой сплошь увешаны лоскутами материи.⁷ Такая же священная роща карагачей окружает мазар, находящийся недалеко от урочища Лянгар около Оша.⁸ В Гармском районе в сельсовете Яхак-юс несколько лет назад была вырублена роща, носившая название Лянгар и почитавшаяся местными жителями, как мазар.⁹

Любопытно также, что одна из гор в хребте Варджуч (З. Дарваз) называется Хазрати-лянгар.¹⁰

Эти факты свидетельствуют о том, что мы имеем здесь дело с пережитками первобытных анимистических верований, когда святынями являлись деревья, камни, пещеры и т. п. И в культе, а также в легендах, связанных с описанными выше мазарами-гробницами, безусловно можно усмотреть те же пережиточные явления первобытных верований. Поэтому в ряде случаев можно предположить, что легенда или предание, связанные с тем или иным мазаром, появились значительно позже самого мазара. Древность значения «лянгар» как святыни может до известной степени подтвердить и следующее обстоятельство. Поэт Низами Генджеви в книге о счастье (ikbal name),¹¹ описывая поход Искандера (Александра Македонского), говорит:

«Он вошел в тот город небесной природы, который турки Лянгар Бихшт называли. Там он увидел кумирню, стоящую в саду. Кумир был весь из золота и в глаза его были вставлены два самоцвета. Царь велел повергнуть его в прах. Тогда одна из жриц попросила позволения рассказать историю этого кумира. По ее словам, этот сверкающий храм из золотых деревьев и бирюзовых ветвей, перед тем как стать кумирней, имел лишь полусферический купол. Однажды из пустыни прилетели две птицы, державшие в клювах самоцветы.

¹ Катрмер, цит. выше, стр. 117 и сл.

² Джурджани. Рукопись Института востоковед. АН СССР, 872.

³ Баскаков и Насилов. Уйгурско-русский словарь. Москва, 1939.

⁴ Абдарразак Самарканди. Рукопись Ленингр. Гос. ун-в., 157, 18а.

⁵ В. И. Массальский. Туркестанский край, стр. 714.

⁶ Записано вблизи кишлака Лянгар Калайсурхского сельсовета Гармского района.

⁷ При этом селении имеется кладбище, где похоронены последние дарвазские шахи.

⁸ В. И. Массальский. Туркестанский край, стр. 714.

⁹ Этими сведениями я обязан Н. Н. Ершову, много лет прожившему в Гармском

районе.

¹⁰ В а р ы г и н. Опыт описания Кулябского бекства. Изв. Русск. географ. общ., 1916.

¹¹ Перевод на русский язык А. К. Арендса. (Рукопись.)

Они бросили два самоцвета и удетели. Люди стали спорить и враждовать из-за самоцветов. Чтобы прекратить распри, они сделали кумир и встали ему в глаза эти самоцветы. Паря не тронул кумира и из „рая божественных сил“ обратил лицо к живущим в пустыне».

В этом отрывке можно усмотреть подтверждение значения «лянгара», как «святыни». В одной из белуджских сказок находим следующее (в переводе И. И. Зарубина): «Они отправляются для послушания к наиболее чтимой белуджами святыне (langar) султана, известного в качестве покровителя верблюдов».¹

В Таджикистане связь между названием «лянгар» и наличными в селениях, носящих это название, мазарами очевидна. Невольно напрашивается мысль — не является ли слово «лянгар» для этой территории в значении святыни более ранним, чем арабское слово «мазар» в том же значении? Известно, что в Средней Азии кладбища, могилы считались мазарами («святынями»), следовательно, «лянгар» может означать еще и «могила», «кладбище».

В этом отношении характерно следующее четверостишие из таджикского фольклора:

Я умру — похороните меня в лянгаре.
Пусть на мою могилу придет мать.
Какие же может найти лекарства мать?
Черви съедят два мои глаза-миндалины.

В примечании к слову «лянгар» составитель книжки, где это четверостишие напечатано, пишет: «Лянгар — имя места». Однако я бы предложила «лянгар» здесь понимать, как «могила» или «кладбище».

Другой факт, — это замечание В. В. Бартольда: «Одним из участников работ 1898 г. полковником Белявским описывается Ля н г а р с к и й вакф в горах к востоку от Гузара; вакфом управлял мутеваллий из потомков святого по назначению эмира. Мутеваллий собирал доходы в пользу мечети и мазара, себя и своих сородичей».² Здесь мазар — это могила мусульманского святого.

Наконец, позволю себе целиком привести цитату из заметок, опубликованных без подписи в «Туркестанских ведомостях» за 1899 г., № 76: «Путевые заметки. Лянгар. Что такое лянгар вообще? Значение этого слова мне не могли порядком объяснить даже наши знатоки по части владения восточных языков, но по тем одинаковым признакам, которые наблюдались мною в многочисленных лянгарах нашего края, можно заключить, что лянгар означает место упокоения мусульманского святого, завещавшего устроить тут же приют для отдохновения и молитвы. Поэтому в каждом Лянгаре имеется муллушка или мазарка, сооруженные усердием богобоязненных мусульман, одно или несколько священных деревьев, увешанных трапичами и унизанных рогами и костями разных животных, и, кроме того, тут же находится и кладбище».

Как мы пытались показать вначале, «якорь» одинаково обозначается с различными фонетическими вариантами во всех индо-европейских языках: греческом, латинском, в романских, германских, балтийских, славянских, иранских, некоторых индийских языках, кроме того, в финском, в тюркских языках и в арабском.³

Ни один из словарей по западным языкам (даже этимологические словари) не сближает персидское слово «langar» с европейскими разновидностями этого же слова. Однако сходство между ними совершенно очевидно, на что обращать внимание и некоторые персидские словари.⁴

По-таджикски и по-персидски langar andāxtan значит не только «бросать якорь», но также и метафорически «остановиться, обосноваться», например: langar sāxta va langari ikāmat andāxta — построил лянгар и бросил (там) якорь своего пребывания (Абдарразаак Самарканди); персидский толковый словарь Гийос уль-лугат⁵ дает такое толкование: langar andāxtan — karor giriftan va makām kardan — бросить якорь, остановиться, обосноваться.

Исходя из сказанного, мы позволим себе сделать следующий вывод. Значение слова «лянгар» раскрывается всеми приведенными выше случаями его употребления. Общее, наиболее полное значение этого слова (кроме «якоря») — «остановка, стоянка». В современном таджикском языке это значение уже утеряно. Любопытно отметить, что греческо-немецкий словарь Hermann Mango для греческого слова ἄγκυρα (якорь) дает и переносное значение: «остановка, привал».⁶

¹ И. И. Зарубин. К изучению белуджского языка и фольклора. Зап. Коллегии востоковедов, V, стр. 666.

² В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 247.

³ В арабском литературном языке существует слово «mīrasa» для обозначения якоря; однако на всем побережье Средиземного моря якорь арабы в разговорном языке называют angar, мн. ч. — angār. См., например: L. Bauer. Wörterbuch des palästinischen Arabisch, Leipzig—Jerusalem, 1933, S. 19; B. el o t. Dictionnaire français-arabe. Beyrouth, 1923, p. 49; B. el o t. Vocabulaire arabe-français, 1924, p. 806. (Этими сведениями я обязана любезности академика И. Ю. Крачковского.)

⁴ Исключение представляет русский этимологический словарь Горяева, где под словом «якорь» имеется упоминание: татарск. lāngār (Н. В. Горяев. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896). Он же слово «якорь» считает заимствованным в русский язык из греческого.

⁵ Бомбей, 1292.

⁶ Hermann M e n g e, Prof. Dr. Griechisch-deutsches Schulwörterbuch, Berlin, 1903.

Таким образом, от этого значения 'остановка, стоянка' легко может быть объяснена и его спецификация: постоянный двор, дом для проезжающих, странноприимный дом, почтовая станция; затем из первого же значения — обитель, монастырь, богадельня и, наконец, святыня (возможно, местопребывание вначале духа, а затем мазар), могила и кладбище. Очевидно, что это слово, будучи распространено на большой территории, в каждую эпоху и в различных местностях имело и разное значение.

В своей работе мы пытались не выходить за рамки таджикской топонимики; однако в процессе исследования возникали некоторые аналогии, выходящие за пределы таджикского материала. Повидимому, название «langar» с различными фонетическими изменениями встречается в топонимике и за пределами Таджикистана в том же значении 'стоянка, остановка', но с различной спецификацией этого основного значения.¹

Л. Е. Арсенов

ДОБЫВАНИЕ МЕДА В ДОИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

Поскольку медоносная пчела (*Apis mellifera* L.) существовала уже в миоцене, первобытный человек мог познакомиться с продуктами ее жизнедеятельности еще на заре своего существования.

С точки зрения антропо-экологии и географии, этнографии, археологии и некоторых других дисциплин было бы интересно выяснить: когда, где и у каких племен первобытного человека (гомо) произошло первое ознакомление с медом и способы, которыми он добывался и каким образом использовался.

Много интересного могло бы дать историку материальной культуры сравнительное обследование предметов древнейшего медового хозяйства. В некоторых случаях это могло бы помочь разрешению общей проблемы происхождения культуры, а также выяснению культурных взаимовлияний народов древнего мира. Прав, поэтому П. Виноградов-Никитин, полагающий, что «изучение сохранившихся примитивных пчеловодства представляет глубокий интерес. Точно так же мед, сыгравший такую роль в жизни человечества, должен быть глубже изучен».

Раскопки в Египте и передней Азии, обнаружившие различные предметы домашнего обихода времен палеолита, свидетельствуют о довольно высоко уже развитой культуре.

На основании тех сведений, которыми мы ныне располагаем, можно судить, что во времена палеолита человек не только умел добывать мед из пчелиных гнезд, но также и отжимать соты. Из полученного жидкого меда он сумел, вероятно весьма скоро, научиться готовить различные напитки. «Если человек, — пишет П. Виноградов-Никитин, — уже употреблял мед еще в стадии зверя, то использование медовых напитков должно относиться к самой ранней варе человеческой культуры. Нужно думать, что забродивший мед, может быть, уже опьянял человека значительно раньше, чем было испытано для этой цели виноградное сусло. Возможно, что последнее явилось уже как суррогат, приобретший впоследствии право самостоятельного продукта».

Мы имеем естественные доказательства, что человеку каменного века была уже известна процедура изготовления медовых напитков. Так, по сообщению Якоба Майера, у жителей свайных построек Швейцарии, относящихся, как известно, к каменному веку, найдены были просверленные сосуды. В них, надо полагать, они давили сотовый мед, который просачивался затем в подставленные цельные сосуды.

Просверленные наподобие решета сосуды, весьма сходные с только что упомянутыми, найдены были Шлиманом во время его раскопок в Гиссарлике.

Относительно одного из способов добывания меда мы имеем теперь неоспоримый документ в виде рисунка самого первобытного человека, попытавшегося изобразить этот (видимо, очень важный в его жизни) процесс.

Лет двадцать тому назад англичанин Джеймс Поч в горах Валенсии открыл пещеру, стены которой были разрисованы рукой первобытного человека. Наиболее замечательный из рисунков в этой пещере изображал добычу меда человеком из пчелиного гнезда, находившегося в выбоине скалы.

Описание пещеры Аранья и ее стенописи дано в труде испанского ученого Эдуарда Хернандес-Пачеко.

На указанном рисунке представлена всякая лестница, привязанная к двум перекрещивающимся по середине перекладинам, укрепленным в расщелину на верху скалы. Лестница сделана из трех длинных веревок, в некоторых местах соединенных между собой поперечинами. Нижние места прикрепления лестницы видны широкое отверстие — вход в пчелиное гнездо. Интересно, что первобытный художник для его изображения воспользовался естественной выемкой в скале. Верхняя фигура — человек, достигший пчелиного гнезда. Одной рукой он добывает соты, в другой у него какой-то сосуд, видимо, предназначенный для складывания добытых кусков сотового меда. Вокруг человека летающие пчелы. По отноше-

¹ Указаниями на упоминаемую в работе литературу я обязан профессору П. П. Иванову, С. Л. Волину, А. М. Белинскому и Н. А. Кислякову, за что и приношу им свою благодарность.

ИЗВЕСТИЯ
ВСЕСОЮЗНОГО
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА

ИЮЛЬ-АВГУСТ

Том 85, вып. 4

1953

А. З. РОЗЕНФЕЛЬД**МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГРАФИИ И ТОПОНИМИКЕ ВАНЧА**

Громадные сдвиги, происшедшие в Таджикистане за годы пятилеток, коснулись всех районов республики, всех областей жизни таджикского народа. Ленинско-сталинская национальная политика, воспитательная и организующая роль коммунистической партии привели к расцвету национальной экономики, к расцвету национальной культуры, к созданию многочисленных национальных кадров из самых глубин народа.

Повседневная помощь Советского государства, коммунистической партии и великого русского народа видна на всем новом укладе жизни, быта ранее одной из наиболее отсталых областей Советского Союза — Ванча.

Ванчем (Ванджем)¹ называется местность по долине р. Ванч, берущей свое начало в ледниках высочайшего горного узла Гармо и впадающей в р. Пяндж. Общая протяженность долины составляет около 80 км. Верхний ее край достигает 2500 м, нижний — 1700 м. Умеренный климат благоприятствует земледелию, садоводству и огородничеству почти на всем протяжении долины. Нижняя и средняя части долины имеют преимущества по сравнению с верхней частью в смысле многообразия садовых культур и, в особенности, наличия богатых тутовых насаждений.

Долина Ванча с востока ограничена Ванчским хребтом, отделяющим ее от долины р. Язгулем, а с юго-запада — Дарвазским хребтом, отделяющим ее от местности Вахио-боло, расположенной у истоков р. Хингоу.

До 1936 г. Ванчский район входил в Калаи-хумбский район Гармской области Таджикской ССР, а с 1937 г. он является районом Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР и делится на сельсоветы: Водхудский, Рохарвский, Техарвский и Ровандский, в которых проживает население, говорящее по-таджикски. К Ванчскому району относится также Язгулемский сельсовет (долина р. Язгулем) с населением, говорящим не по-таджикски, а на одном из так называемых памирских языков — язгулемском.

Расположенная глубоко в горах, отрезанная ранее труднопроходимыми каменистыми тропами даже от ближайших административных центров старой Восточной Бухары (Калаи-хумб, Хорог), долина Ванча, а в особенности ее верхняя часть, была почти лишена всякой связи с внешним миром. Большой Памирский тракт им. И. В. Сталина, законченный в 1940 г. и бывший подлинно всенародной стройкой, связал Ванч с областным центром — Хорогом и столицей Таджикистана — Сталинабадом.

¹ Официальным названием этого района является Ванч, однако местное население произносит это слово, как *Вандж*.

Занятия населения Ванчской долины — земледелие, садоводство, огородничество, скотоводство и кустарные ремесла. Сеют пшеницу, ячмень, лен и бобовые. Превосходные климатические условия, плодородная почва в широкой долине благоприятствуют развитию земледелия и огородничества, позволяют возделывать на огородах в нижнем и среднем Ванче всевозможные овощи и бахчевые — дыни, арбузы и тыквы, которые распределяются среди колхозников на трудодни и поступают в продажу в колхозные ларьки и чайханы в районном и послевоенских центрах.

После укрупнения колхозов на Ванче создано 7 колхозов, наиболее мощным из которых является колхоз им. Сталина, объединяющий население кишлаков, прилегающих к районному центру. Председателем этого колхоза работает Кобилямо Баратова, депутат Верховного Совета Союза ССР. Вверх по Ванчу расположены колхозы им. Фрунзе, им. Ленина, им. Кирова, им. Кагановича, им. М. Горького и им. Орджоникидзе. Женщины активно участвуют как в трудовой, так и в общественной жизни колхоза и района. Больше всего женский труд применяется в огородничестве, садоводстве, уборке и обработке урожая, в скотоводстве и шелководстве.

Ванчская долина славится своими фруктами по всему горному Таджикистану. Здесь растут лучшие сорта туты, в прошлом — одного из главных пищевых продуктов населения Ванча и соседнего Дарваза. Тут употребляется в пищу и в сыром и в сушеном виде, а также в виде тутовой муки (*туплуст*) заготавливается на зиму. Хотя ягоды туты и теперь употребляются в пищу, но роль их как пищевого продукта сильно упала, и на первое место выступила роль тутовника в развитии шелководства, — ранее почти неизвестной отрасли народного хозяйства Ванча, а теперь занимающего важнейшее место в колхозной экономике.

Таким же важным пищевым продуктом являются некоторые сорта яблок (*сепорасеу*), которые и сейчас заготавливаются колхозами на зиму. Яблоки режутся на части и сушатся на крышах домов. Из сушеных яблок приготавливают муку. На Ванче растут также абрикосы, персики, вишни, алыча, сливы и груши. Все это заготавливается впрок. Растет также и виноград, но сорта его не очень высоки по своим качествам, и вообще виноградарство не играет почти никакой экономической роли.¹

В особенности славится Ванч своими рощами грецкого ореха. Громадные старые темнозеленые деревья дают густую тень и прохладу, занимая значительные площади в садах, среди полей и кишлаков. По поводу грецкого ореха на Ванче и в долине р. Висхарви П. А. Баранов и И. А. Райкова писали: «Некоторые кишлаки зоны 1800—2200 м мы можем характеризовать, как „ореховые кишлаки“» ([²], стр. 88). Как указывает А. В. Гурский, орех на Ванче «находится в полосе своего естественного распространения» ([³], стр. 88).² В верхнем Ванче, где тут не произрастает, орех представляет большую ценность. Как говорят таджики, в орехе ничего не пропадает; абсолютно все, что дает ореховое дерево и его плод, используется в хозяйстве: из древесины изготавливаются тарелки, ложки, деревянные галоши (*кауши чубин*), деревянные части дома — столбы, балки, балюстрады на террасах и т. п.; кора служит топливом; широкими ореховыми листьями некоторые колхозники покрывают земляную крышу; из зеленой кожи

¹ В старых садах Ванча, Рушана, Бартанга и Шугнана было всего около 150 виноградных лоз ([³], стр. 15).

² На Ванче существовало даже поверие, что сажать орех нельзя. Кто посадит орех, тот, якобы, умрет.

ореха — плюски (*лагык*) варят местное мыло (*собини сиё* 'черное мыло'), которое сейчас, в связи с завозом всевозможных сортов фабричного мыла, потеряло уже то значение, какое имело прежде. Местное мыло готовят следующим образом: очищенную зеленую кожу растирают, обрызгивают соленой водой и сжигают; полученную золу опускают в котел с кипящей водой; когда вода выкипит, осадок (*шикор-щелок*) смешивают с ореховым маслом и снова кипятят, после чего

Рис. 1. Долина р. Ванч, справа кишлак Гушхон. (Из коллекций Института этнографии АН СССР).

масса становится густой, и получается мыло. Из зеленой кожи ореха добывают также краски; она же служит для дубления кожи.

Из ядра ореха дают масло. Ореховое масло в верхнем Ванче употребляется в пищу.¹ Скорлупа (*шиканчик, сканчик*) идет на топливо, а перегородки внутри ореха (*нофак*) кладут в особо приготовленный напиток — *ширчай* — чай с молоком, жиром и солью. Получаемый от приготовления масла жмых идет на корм скоту.

Очищенный, подсушенный грецкий орех является также лакомством и вместе с абрикосовыми зернышками и сушеным тутом или тутовой спрессованной мукой (*тутпуст*) в течение круглого года подается

¹ Плоды некоторых дикорастущих деревьев ореха содержат жира до 76.3% ([*], стр. 44).

в любом доме в виде угощения (*дастархон*). Грецкий орех, ягоды тута, тутпуст, сушеные абрикосы, абрикосовые косточки-ядрышки служили предметами торговли и обмена.

Важной отраслью народного хозяйства ванцев в прежнее время были кустарные ремесла, ныне имеющие чисто подсобное значение в связи с завозом изделий советских фабрик и заводов как таджикской, так и всесоюзной промышленности. До Октябрьской социалистической революции на Ванче почти все предметы домашнего и хозяйственного обихода изготовлялись на месте или приобретались путем обмена на продукты земледелия или скотоводства у ближайших соседей — памирцев, дарвазцев или вахиочей.

Хотя хлопчатник в незначительном количестве и сеялся на Ванче, значение его было очень невелико, и местной выделки кустарная ткань — *карбос*, и более высокие сорта приобретались в Дарвазе, где особенно был развит ткацкий промысел; фабричные же ткани были большой редкостью и приносились из Ферганы отходниками. Возможно, что дороговизна тканей и их отсутствие приводили к тому, что всякий предмет одежды беднейшей частью населения, а иногда и людьми среднего достатка, донашивался до последней крайности и даже, придя в полную негодность, продолжал служить своему владельцу в качестве одеяния.

В настоящее время на Ванче повсеместно имеются магазины, в которых колхозники очень охотно покупают товары, а в особенности лучшие сорта обуви и материи.

Из кустарных промыслов на Ванче наиболее развитым был железоделательный, благодаря наличию в ванчских горах железа — гематита.

«Начиная с самого верха долины Ванча и кончая сел. Бунай, — писал в 1926 г. М. С. Андреев, — добывание железа составляет серьезнейшее подспорье к существованию местного населения... Почти каждый домохозяин в верхнем Ванче раз в год закладывает домницу. Только редкие почему-либо этого не делают. Во многих селениях вверху долины домницы имеются при каждом доме» ([1], стр. 7).

Теперь железоделательный промысел утратил уже свое значение, так как привозные железные изделия вполне удовлетворяют потребности колхозников. Однако до сих пор на Ванче сохранились еще мастера, изготовляющие тонкой работы ножи, кузнецы (*заргар*), изготовляющие различные женские украшения: кольца, браслеты (*ды-стук* — *дастохан* 'железо для руки'), серьги.

Примечательна семья искусных ремесленников из кишлака Бунай, происходящая от мастера Лоика, имевшего семь сыновей. Лоик был замечательным кузнецом и мастером выплавки железа. Его сыновья, теперь уже все пожилые люди, давно разделились и живут отдельно со своими семьями. Все Лоиковы мастера — кузнецы, ювелиры, плотники, мастера по постройке домов, мельниц, сапожники. Одним из лучших кузнецов в кишлаке Бунай в настоящее время считается внук Лоика и преемник его мастерства учитель географии в семилетней школе Назар Нуралиев. Из этой же семьи происходят также охотники, как, например, Фархутдин Лоиков, он же плотник, мастер по постройке домов и мельниц и выделке деревянных изделий. Брат его — близнец Асо Лоиков — искусный ювелир. Из этой же талантливой семьи происходят некоторые учителя, бригадиры колхоза, депутаты сельского совета; многие представители этой семьи имеют среднее образование или учатся в средних и высших учебных заведениях Республики.

Ванчская долина в этнографическом отношении отличается от соседних таджикских районов. Здесь несколько особый тип построек —

побеленные дома в форме больших прямоугольников, удобные высокие настилы из сучьев и соломы, нередко с крышей в виде шалаша, служащие летом для сна целой семьи (*чольёб*); характерные именно для Ванча, высокие, вкопанные в землю и окруженные специально посаженными деревьями широкие кровати с резными перилами (*манджа*), где летом проводят свободное время, спят ночью или принимают гостей.

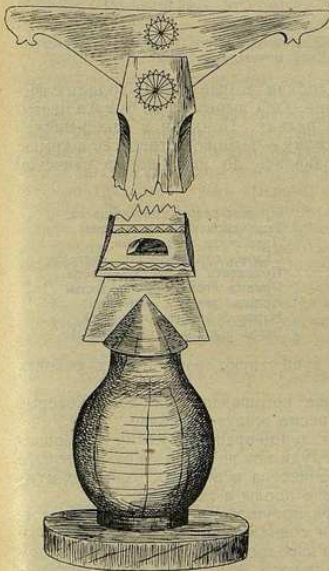

Рис. 2. Столб террасы дома в кишлаке Сунгад. (Рис. Ю. Борщевского).

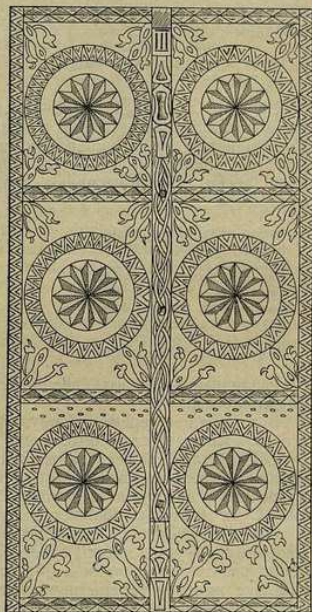

Рис. 3. Схема орнамента резной двери в доме колхозника из кишлака Рохарв (Рис. Ю. Борщевского)

Обращает на себя внимание иная, чем в сопредельных районах, прическа женщины. Женщины заплетают волосы в две косы и завязывают их своеобразными узлами впереди у самых ушей.

На Ванче можно услышать хоровое пение без сопровождения музыкального инструмента, что не характерно для других, соседних районов. Обычно один запекает, к нему присоединяется второй певец, затем третий, четвертый, пятый, и уже все вместе заканчивают куплет или всю песню, постепенно убыстряя темп. Иногда такое пение сопровождается аккомпанементом одного или нескольких бубен, причем певцы без передышки исполняют несколько песен подряд.

Интересно отметить, что на Ванче до недавнего времени праздновался старинный народный праздник таджиков Навруз — Новый год,

приходящийся на 21 марта. Накануне праздника женщины белили дома и по стенам венником делали «цветы» — гул в несколько рядов. К празднику в более зажиточных семьях шили новую одежду. Если зимой резали баранов, то головы и ножки сохраняли для новогоднего кушанья — *калапач*. Накануне праздника в громадном кувшине заготавливали очищенную пшеницу с головами и ножками баранов, заматывая отверстие и ставили на огонь, который поддерживался до утра. При этом якобы следовало сжечь 40 *кында* — поленьев. В связи с этим обычаем существует такой стих:

Шапи науруз чил кында бисуз,
Хо шау, хо руз.

'В новогоднюю ночь сожги 40 поленьев,
Хоть ночью, хоть днем'.

Ученики духовных школ — *муллобачи* до революции ходили с песнями по кишлакам, собирая подаяние. Они вырезали из бумаги цветы, раскрашивали их и укрепляли на палках. Приходя в какой-нибудь дом, они влезали на крышу и в *даричу* — дымовое отверстие в крыше пели песни. Песни-веснянки сохранились до сих пор в ванчском фольклоре.

Баҳ,ор омад, баҳ,ор омад!
Баҳ,ори долазор омад!
Биебон,о гулистон шид,
Камар,о чумла бустон шид,
Гули лола ҳазорон шид.
Баҳ,ор омад, баҳ,ор омад!
Баҳ,ор омад ба серрузи,
Бизан гул,ои наврузи.
Баҳ,ор омад, баҳ,ор омад!

Пришла весна, пришла весна!
Тюльпановая весна пришла!
Луга стали цветниками,
Склоны гор покрылись цветами,
Появились тысячи тюльпанов.
Пришла весна, пришла весна!
Пришла весна с сытостью.
Нарисуй новогодние цветы,
Весна пришла, весна пришла!

Различные варианты веснянок существуют и в других районах Таджикистана.

В настоящее время Навруз уже не празднуется, но некоторые его пережитки и связанные с ним песни живут и сейчас.

Седой стариной веет также и от луков-пращей (*гулак*), с помощью которых стреляют камешками. Эти луки можно видеть в руках любого подростка — охотника за птицами, а иногда и в руках взрослых мужчин. С их помощью сбивают также и плоды с деревьев.

Однако все эти обычаи безвозвратно ушли или уходят в прошлое. На смену им укрепляется советская социалистическая культура. Особенно разительны успехи в области народного просвещения. В каждом кишлаке имеется теперь начальная школа, а в крупных кишлаках — школы-семилетки, в которых учителями работают многие уроженцы ванчской долины, в том числе и учительницы. В семилетних и начальных школах преподается русский язык. Очень характерным является тот факт, что в 1949 г., после переаттестации учителей, к работе в школах были допущены лишь лица, имеющие высшее образование. Ванчская молодежь учится в областном центре Хороге, в вузах и университетах столицы — Сталинабаде. Можно без преувеличения сказать, что Ванчский район находится на пути превращения в район сплошной грамотности.

В районном центре Рохарве выходит печатная газета «Хакикати Вандж» («Ванчская правда»); имеется библиотека с читальней, где можно найти любую центральную и республиканскую газету: «Правду», «Известия», «Литературную газету», «Таджикистани Сурх», «Коммунист Таджикистана», журналы и книги на русском и таджикском языках. В местном клубе несколько раз в неделю бывает кино. В районном центре работает небольшая электростанция. Он соединен телефонной связью со всеми сельсоветами и Хорогом. Повсеместно

можно видеть предметы домашнего обихода (посуду, мебель, одежду) городского, европейского типа.

Историческое прошлое ванчской долины почти не изучено. Как указывают некоторые исследователи этого района, Ванч никогда не играл самостоятельной политической роли ([9], стр. 52). Однако целый ряд фактов свидетельствует о том, что в древности здесь была более интенсивная политическая жизнь, чем в годы владычества бухарского эмира. Несомненно, что этот район еще ждет своего исследователя. Тем более могут представить интерес сведения, добытые распросным путем на месте, а также народные предания и легенды.

Обильная водой, садами, удобная для земледелия ванчская долина, видимо, с давних пор привлекала к себе воинственных соседей, которые путем набегов или войн пытались захватить эту область. Возможно, что в более отдаленные времена какие-нибудь кочевники шли через Ванч и проживали здесь, оставив после себя на память несколько цепочек курганов, или холмов (*тепе*). Такие холмы имеются в кишлаке Гишхун, расположенном на левом берегу р. Ванч против районного центра. Это — семь высоких конической формы курганов (*дула*), стоящих на близком расстоянии друг от друга, каждый из которых назван каким-нибудь мусульманским именем: Шофархеддин, Акбаршо, Давлятбек, Шер, Гиёс, Махкам и Муллонурмахмад. Эти курганы частично служили родовыми кладбищами, и в настоящее время на их склонах продолжается захоронение.

Под одним из курганов имеется громадная пещера с выходом к реке. Рассказывают, что во время набегов алайских киргизов, население кишлака Гишхун пряталось в этой пещере. Сами таджики считают, что эти курганы являются наносами песка с галькой. По преданию, *хазрати Хызр* (святой Хызр) — покровитель железнодорожного промысла — рассердился на гишхунцев и превратил их обмолоченную пшеницу в курганы.

Однако можно предположить, что эти холмы являются искусственным сооружением. Цепочка курганов спускается по левому берегу Ванча к группе кишлаков, объединенных общим названием Дашти Рог, и поднимается вверх по Ванчу. В кишлаке Техарв, в среднем течении Ванча, также имеются три больших кургана(?), расположенных на некотором расстоянии один от другого: при въезде в кишлак и в его центре. На одном из них хоронят. Возможно, что специалист-археолог обнаружит и другие курганы и тепе в различных ванчских кишлаках. На некоторых из этих холмов видны контуры развалин.

До завоевания этого района бухарцами (1877) в каждом кишлаке были свои сельские крепости (*каля*), куда на ночь, опасаясь набегов киргизов, пряталось все население. Остатки этих сельских крепостей сохранились до сих пор в ряде кишлаков. В кишлаке Гуджовас (на левом берегу Ванча) имеются развалины двух крепостей — у реки и в верхней части кишлака. Об этих крепостях рассказывают такую легенду. «В давнее время на Ванче жили могучие, высокие богатыри. Однажды пришло неизвестное племя, захватило крепость на берегу реки и начало теснить ванчцев. Ванчцы засели в верхней крепости, но вскоре им нечем стало стрелять, и они ушли по ущелью в горы. Нападающие бросились вдогонку, но, увидев многочисленные следы с отпечатками очень больших ступней, испугались и отступили». Очевидно, набеги заалайских киргизов продолжались до самого завоевания Ванча бухарской династией Мангытов, так как на Ванче распространено чрезвычайно много рассказов, связанных с этими набегами. Говорят, что у самого перевала Кашалаяк имеется около 50 могил — следы какой-то битвы. Как рассказывает Юсуф Эльчиев,

житель кишлака Лянгар в Верхнем Ванче, два или три поколения тому назад киргизы увели в рабство одного из членов их рода, потомки которого впоследствии обосновались в Фергане и существуют там и сейчас ([³], стр. 53). Он же рассказывал, что их роду шахи (местные до-бухарские правители Ванча) дали на воспитание киргиза, почему их род назывался *киргизун* (киргизы).

Бытует также рассказ о том, как киргизы захватили одного ванчца на его поле, удаленном от дома. Он попросил разрешения прочесть молитву и закричал: *асало, сета анано, лув мекимин мезанано, лув намекиним-мебарано* 'асало, трижды анано, закричу—меня побьют, не закричу—уведут'¹—его услышали односельчане и спасли.

Почти во всех преданиях рассказывается о том, что в прежние времена ванчцы были дикарями и кафирами, т. е. неверными. В настоящее время ванчцы—мусульмане суннитского толка, но в преданиях сохранились указания на то, что раньше они были шиитами (*шиа*). Возможно, что и на Ванче было распространено шиитство и исмаилизм, как и в соседних припамирских долинах. В одной легенде рассказывается о том, что раньше здесь был *кафир-рист* (страна неверных), все были огнепоклонниками, солнцепоклонниками, а также поклонялись теленку, потом приехали муллы из Бухары и Кабула, и все стали мусульманами.

К этому давнему времени относятся рассказы о пещере Кофарсилох, находящейся в 3 км от кишлака Гуджовас (Верхний Ванч). В эту пещеру, якобы, в давние времена сыновья отводили своих стариков-отцов с небольшим запасом пищи и оставляли их там умирать. Говорят, что на дне этой пещеры и сейчас еще можно видеть человеческие кости. Ныне вход в пещеру обрушился.

Среди ванчцев бытует много анекдотов как о коренных жителях этой долины, так и о переселившихся сюда некогда таджиках из соседней малоплодородной высокогорной местности Вахио-боло. Долину Ванча соединяют с Вахио-боло (верховья р. Хингоу) труднопроходимые перевалы, большую часть года покрытые снегом: Сытарги, Ширговат, Бунай; по этим перевалам и перебирались до недавнего времени на Ванч вахиочи.

До настоящего времени на Ванче сохранилось деление на ванджй, или ванджин тупти (местных ванчцев), и вахиочи. Согласно преданиям, вахиочи начали переселяться на Ванч лет 300 тому назад. Сначала они занимали пустые земли, а затем приобретали их у местных жителей, давая взамен скот, войлок, а также делая крупные подношения местным правителям. Однако бывали случаи, когда местные жители сгоняли вахиочей с приобретенной и возделанной земли со словами: *инджо хунаи падари мынай*—здесь земля моего отца.

В настоящее время вахиочи живут компактными группами на среднем Ванче: от кишлака Бунай на правом берегу и кишлака Жовид на левом берегу до кишлака Мдыхарв (Доршир) на правом берегу и кишлака Гуджовас на левом берегу. Исключение представляет кишлак Садвадк, где живут ванджй. В верховьях Ванча живут только ванджй, за исключением кишлака Поймазор (7 хозяйств) в истоках р. Ванч, в котором живут вахиочи. Ванджй живут вниз по реке на правом берегу в кишлаках Ван-ван боло, Ван-ван поён, Мургытта, Сытарги, Мдыхарв; на левом берегу—в кишлаках Сунгад, Гармчашма, Рован, Лянгар, Язго, Гумасть. Что касается нижнего Ванча, то здесь население считает себя смешанным—живут и ванджй и вахиочи,

¹ Этот образчик фольклора бытует и в других районах Таджикистана.

а также пришельцы из различных районов Таджикистана: Дарваза, Куляба, Гисара и других.

В настоящее время деление на вахиочей и ванчцев чисто условное. Давно уже заключаются браки между обеими группами, и молодежь, собственно, даже не знает толком, к которой из этих групп она принадлежит. В повседневной жизни, в быту, это деление теперь уже не играет никакой роли.

До прихода вахиочей, — рассказывают на Ванче, — здесь был другой язык, не таджикский, а старованджский,¹ (*ванджи кухня, вандживори, вандживорак*). Ныне уже не осталось людей, которые знали бы этот язык, но еще лет 15 назад в кишлаке Гумаст (верхний Ванч) жил древний старик Наим, дядя упоминавшегося выше Эльчиева, который умел говорить по-старованджски. Сын его Бурхон Наимов 50 лет, учитель начальной школы, старого языка не знает. Вместе с тем и сейчас на Ванче можно услышать отдельные слова, приписываемые старому языку. Кроме опубликованных И. И. Зарубиным 50 слов, нами записано еще 36 таких слов. Из слов, записанных И. И. Зарубиным, некоторые живут и в современном языке, так же как и целый ряд других весьма архаических слов, несомненно, принадлежащих к старому языку. Как определил И. И. Зарубин, старованджский язык относился к группе памирских языков. Нынешние ванчские говоры также содержат ряд фонетических и лексических особенностей, сближающих их с памирскими языками.² При столкновении таджикского языка со старованджским, таджикский язык, согласно учению И. В. Сталина о языках победителях и побежденных, вышел победителем, но язык побежденный исчез не бесследно, а обогатил лексический состав победившего языка.

Некоторые элементы старой лексики, очевидно, содержатся и во многих топонимах, поэтому материалы ванчской топонимики, а также ближайших к Ванчу горных областей Таджикистана представляют особый интерес.

Река Ванч питается многочисленными притоками (*даргоу*), возле которых и расположены живописные ванчские кишлаки. Обычно такой приток — бурная горная речка — делит ванчский кишлак на две части, каждая из которых носит название: *и бари даргоу* (эта сторона притока), *у бари даргоу* (та сторона притока). Ванчские кишлаки в большинстве своем очень просторны, расположены на удобных речных террасах в виде отдельных выселков — небольших хуторов, являющихся как бы кварталами кишлака, каждый из которых имеет свое, особое название. Вообще же большинство ванчских, а также примыкающих к Ванчу дарвазских кишлаков (Гармская область Таджикской ССР), делится на три части по отношению к имеющемуся в данном кишлаке водному источнику: верхняя часть — *сари-ду*, средняя часть — *мина-ду* и нижняя часть — *пун-ду* (*ду* ← *дех*, *дия* 'селение', *мина* ← *миёна* 'средний', *пун* ← *пойун* ← *пойон* 'нижний'). Начиная от самого устья Ванча и вверх до районного центра — Рохарва (Калаи-ванч) дорога на протяжении 12 км идет сквозь сплошную линию небольших кишлаков, окруженных садами, пашнями и огородами; каждая группа этих хуторов (кварталов) объединяется также и общим названием,

¹ О старованджском языке впервые сообщил проф. И. И. Зарубин [5].

² Этому вопросу, так же как и характеристике современных ванчских говоров, принадлежащих к дарвазским говорам таджикского языка, автором посвящена специальная работа [10, 11].

так что один кишлак незаметно переходит в другой. Предшествующий Рохарву кишлак Вискрог делится на такие части: Вискрог, Брегод, Бодавд, Пихарвак, Хирманак, Ганьгод. Рохарв, один из самых крупных кишлаков Ванча, в прошлом — резиденция местных правителей, ныне — районный центр, делится на следующие части: Гыластун ← *гули-стон* (цветник), Сарои-туг, Хонаи-быланд (высокий дом), Дарговирохарв (рохарвская речка), Сабзига (зеленое место), Лави-джар (берег обрыва), Пуни-ду (низ кишлака), Торгод (*тор* 'высокий', *год*, *гад*, — суффикс многих ванчских топонимов), Лянгарак,¹ Пустегод, Калаиджугария (обрушившаяся крепость), Дарай-зинг, Чорбог (сад), Лула (холм, курган), Пуни-джугуни, Бари-тор, Сари-джугуни, Кучоо.

Терминами *пуни-джугуни* и *сари-джугуни* обозначались обычно нижняя и верхняя части площадки для игры в поло (*джугуни* ← *джавгон*, *джавгонбози*) — в прошлом одной из распространенных спортивных национальных игр; эти же термины сохранились и в названиях кварталов г. Калаи-хумба, соседнего с Ванчем районного центра Гармской области.

В горном Таджикистане также очень часто к названиям кишлаков присоединяются слова: *боло* 'верхний' и *поён* 'нижний', например, Ван-ван-боло (верхний Ван-ван), Ван-ван-поён (нижний Ван-ван).

Сами ванчи называют Ванчем область вверх от кишлака Бунай — 15 км от Рохарва вверх по Ванчу (Ванджи-боло 'верхний Вандж' или Вандж), а территорию вниз от кишлака Бунай называют «Пойтахт» (столица). Поэтому человек, выезжающий из районного центра в верхние кишлаки, говорит: «я еду на Ванч» (*Вандж мерам*), а возвращающийся оттуда говорит: «я вернулся с Ванча» (*ман ай Вандж омадам*).

Одним из наиболее интересных топонимов Ванча является термин *харв*, входящий в качестве второго члена в многочисленные географические названия в юго-восточной части Таджикистана — Памире, Ванче, Дарвазе, Каратегине, а также в Оби-гармском районе и на Варзобе. Северо-западнее этих районов, а также как будто в Кулябской области, он не встречается. Как самостоятельное слово, и в первой части географических названий, термин *харв* не отмечен. Обычная его позиция — вторая часть топонима, иногда с суффиксом *и* или с уменьшительным суффиксом *ак*. Параллельно с *харв* встречаются также названия с *харф*, где конечный согласный является оглушенным спонтом.

В ишканимском языке, относящемся к памирской группе языков, имеется слово *харав*, которое употребляется как полнозначное слово в значении горного потока, и *харавек* — в значении проточной воды.

В язгулемском языке словом *харевдег* называется боковой приток, то же, что в ванчских говорах *даргоу*. Моргенштерне ([¹⁵], стр. 422) сближает слово *харав* с таджикско-персидским словом *хароба* — (*خواب خورابه*). Вуллерс [¹⁷], а за ним и Ягелло [¹³], следуя толкованию восточных словарей, под словом *хароба* и его вариантами дают следующие значения: 1) питьевая вода, 2) небольшой арык, выведенный из другого большого для орошения, 3) вода, просачивающаяся через насыпь, запруды.

Названиями с элементом *харв* обозначаются, главным образом, кишлаки и находящиеся вблизи них и названные, очевидно, по их имени, перевалы (Сабзихарв, Висхарви, Люлихарви). В Ванчском районе имеется ряд кишлаков с названиями, включающими *харв*: Бичхарвак, Пихарвак, Ушхарвак, Вышхарв, Шихарвак, а также Рохарв

¹ О термине Лянгар см. ([¹²], стр. 861—864).

в нижней части долины, Техарв — в средней части и Мдыхарв — в верхней. Как нам представляется, названия трех последних кишлаков связаны с их расположением по долине.

Выше указывалось, что Ванчем (Ванджем) местные жители называют область вверх от кишлака Бунай, а именно, начиная с Техарва, расположенного в среднем течении Ванча. Исходя из этого, можно было бы предположить, что первый элемент этого названия *те* означает «низ» (таджикское *tag*, *tah*, памирское *ta*). Так, нижняя часть кишлака Поршнев (Рушан) носит название Тихор, а верхняя — Пахор.¹ Мы считаем возможным сблизить название Техарв с Тихор.

Если наше предположение верно, и Техарв значит «нижняя часть» (долины или реки), то название расположенного между Техарвом и Поймазором, последним кишлаком ванчской долины, кишлака Мдыхарв должно обозначать: «средняя часть» (долины, реки). Река Ванч образуется у кишлака Поймазор от слияния двух рек, стекающих с ледников Кашалак (висячий ледник) и Абдукагор. Место слияния называется Сари-ванч (начало, верх, голова Ванча). Слово «середина» на различных памирских языках — *mathin*, *mathina*, *mathen*,² на ваханском и мунджанском *malen* (*th* → *l*). В то же время на Шахдаре (Рошткалинский район Автономной Горно-Бадахшанской области) имеются кишлаки с тем же начальным компонентом: *Медыншар*, *Медынвед*, так же и в Вахио-боло — кишлак *Мадынгат*. Весьма вероятно, что компонент *мды* в названии *Мдыхарв* есть то же слово «середина», с отпадением конечного *н* (ср. шугнанско-рушанское, шикашимское *meth* 'талия').

Что касается названия Рохарв, то его можно было бы понять как «передняя часть», «лицевая часть», «наружная часть» (долины, реки). Исходя из того, что по-язгулемски «лицо» называется *ре* (тадж. *руй*), а кишлак Рохарв — *Рехарв*, вполне допустимо, что первый элемент этого названия *ро* имеет значение «лицо» (на санглинском и шикашимском языках *ро* 'лицо').

Рассмотренные выше названия позволяют сделать следующий вывод: под компонентом *харв*, входящим составной частью в целый ряд топонимов, следует видеть слово «долина» и, возможно, также в некоторых случаях «горный поток, протекающий по долине». Если исходить из этого толкования, то можно объяснить и некоторые другие названия с *харв*. Название Бичхарвак можно понять как «долина (с уменьшительным суффиксом) горных козлов» (*бич*, *буч* в различных памирских языках значит «козел» или «баран»³ в юго-восточных таджикских говорах *бича* — «козленок»); Вышхарв (Язгулем), Ушхарв (Ванч), Ушхарвак (Дарваз) можно толковать как «долина, поросшая травой» (*выш*, *уш* в памирских языках — «травя», «сено»); Муджихарв — «долина, где пасутся овцы и бараны» (*маудж* в различных памирских языках «овца» или «баран»); Сабзихарв — «зеленая долина» (форма *сабзи* [савзи] 'зеленый' отмечена наряду с общетаджикским *сабз* [савз], например, некоторые мазары на Памире называются Сабзипуш («одетый в зеленое»); Тутхарф (Файзабадский район Таджикской ССР) — «тутовая долина». Шитхарв — «долина, где много пыли»

¹ Знакомством с этим фактом я обязана любезности проф. А. М. Дьякова.

² W. Henning по этому поводу пишет ([1], стр. 43): *tub* "is not attested" but could represent an old form of *tub* — «middle» ... Ср. немецк. *mittel*, англ. *middle* «середина».

³ В этом случае, а также во всех других, где имеются ссылки на памирские языки, автор пользовался работами проф. И. И. Зарубина [6, 7, 8]. По язгулемскому языку автор ссылается на свои записи 1951 г. на Язгулеме.

(«*шывт* в памирских языках «пыль», «земля»); Люлихарви, возможно, — «долина цыган» (*люли* по-таджикски «цыгане»)).¹

Как указывалось выше, Моргенштерне сопоставляет сангличско-ишканимское *харав* с перс. *хароба*. Вероятно топоним *харв* связан со словом *харав*, но трудно предположить наличие связи между словами *харв* и *хароба*. Слово *аб* (таджикское *об*) 'вода' обычно в названии рек горного Таджикистана встречается в форме *оу* (*оу* ← *об*) — Хингоу, Хумбоу, Равноу, Сафедоу и другие, — которое присоединяется, как видно по примерам, к простому слову: *хинг* 'серый', *сафед* 'белый'. Слово же *хароба* — сложное уже само по себе. Трудно предположить, чтобы слово *хароба* перешло в *харв* (*харф*); *хароб(а)* → *хорова* → *харв*. Это противоречит фонетическим нормам юго-восточных говоров, где всякое поствокальное *б* вместе с гласным дает дифтонг (*ау*, *оу*) и где гласный *о* является очень устойчивым гласным. Поэтому в топониме *харв* следовало бы видеть слово не таджикского происхождения, а иного, скорее всего восточно-иранского. Однако этот вопрос требует еще дополнительных исследований.

Не меньший интерес представляют и другие топонимистические материалы Ванчской долины, так же как и вопросы фольклора, произведений народных поэтов, народного искусства и многие другие, коснуться которых нам не позволяют рамки данной работы.

Литература

- [1] Андреев М. С. Выработка железа в долине Ванча. Ташкент, 1926. — [2] Баранов П. А. и И. А. Райкова. Дарваз и его растительность. Ташкент, 1928. — [3] Гурский А. В. Дикорастущие и культурные древесные насаждения советского Бадахшана. Тр. Тадж. фил. АН СССР, т. XVIII, 1951. — [4] Запругаева В. И. Леса. Сб. «Советский Таджикистан». Тадж. фил. АН СССР, Сталинабад, 1950. — [5] Зарубин И. И. К списку памирских языков. Докл. АН СССР, 1924. — [6] Зарубин И. И. К характеристике мунджанского языка. Сб. «Иран», I, 1927. — [7] Зарубин И. И. Оршорские тексты и словарь. Тр. Памирск. эксп. 1928 г. Л., 1930. — [8] Зарубин И. И. Бартагские и рушанские тексты и словарь. Л., 1937. — [9] Кисляков Н. А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло. М., 1936. — [10] Розенфельд А. З. Некоторые вопросы таджикской диалектологии. Вести. ЛГУ, 1951, № 7. — [11] Розенфельд А. З. Ванчские говоры. Докл. АН Таджикской ССР, 1952, № 5. — [12] Розенфельд А. З. Название «Лянгар» в топонимике Таджикистана. Изв. ВГО, т. 72, вып. 6, 1940, стр. 861—864. — [13] Ягелло И. Д. Полный персидско-арабско-русский словарь. Ташкент, 1910. — [14] Henning W., Sogdica, 1940. — [15] Morgenstierne G. Indo-Iranian frontier languages, vol. I—II. Oslo, 1930—1938. — [16] Sköld H. Materialen zu den Iranischen Pamirsprachen. 1936 (у Моренштерне в ук. соч.). [17] Vullers I. A Lexicon persico-latinum etimologicum, 1864.

¹ Другие названия с *харв* в данное время объяснить трудно: Висхарви (Дарваз), Гусхарв (Варзоб), Лошхарв (район Орджоникидзебада), Мухарф (Файзабадский район), Пошхарф (Дарваз), Сочхарф (Шугнан), Хошхарф (Обгарм) и т. д.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ФОЛЬКЛОР И ЭТНОГРАФИЯ

В

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1970

А. З. РОЗЕНФЕЛЬД

СВАДЕБНЫЙ ФОЛЬКЛОР ПРИПАМИРСКИХ ТАДЖИКОВ

Данная работа посвящена свадебному фольклору, распространенному в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР (Западный Памир, также Вандж). В свадебный фольклор входят различные жанры: собственно свадебные обрядовые песни, всевозможные лирические четверостишия, объединяемые часто «свадебным» рефреном, традиционная свадебная песня «Юсуф и Зулейха» и интересный и примечательный элемент бадахшанской свадьбы — театрализованная игра *мағулбози* (монгольская игра), исполняемая на свадебном пиру и сопровождаемая песней «Мағулдухтар» («Монгольская девушка»).

Несмотря на многоязычность, в Бадахшане, как это было еще отмечено выдающимся исследователем языков, этнографии и фольклора Бадахшана проф. И. И. Зарубиным, фольклорные произведения исполняются по-таджикски. На местных языках исполняется лишь *даргилик* и *даргильмодык* — «материнская печаль» (Рушан, Шугнан), *былбылик* — трехстишия с припевом «соловушка», некоторые песни и сказки, последние — как на местных языках, так и на таджикском, который здесь называется «форси».¹

Очень важно отметить, что в Бадахшане искони отсутствует женское затворничество и все свадебные песни, как сопровождающие обряды, связанные с женихом, так и связанные с невестой, исполняются певцами-мужчинами не только среди мужчин, но и среди женщин. Обычно это дуэты, квартеты или даже секстеты, которые поют по очереди группами под аккомпанемент рубаб (струнный инструмент) или одного или нескольких *даф* (бубен).

¹ О местных таджикских говорах и «форси» см.: А. З. Розенфельд.

1) Таджикоязычное население советского Бадахшана. «Советская этнография», 1963, № 1; 2) Таджикские говоры советского Бадахшана и их место среди других языков на Памире. «Вестник ЛГУ», № 20, серия истории, языка и литературы, вып. 4, 1963.

Одна группа начинает песню и ведет каждое начало куплета (запевалы), вторая группа подхватывает вторые строки (*фаровард*) и все вместе заканчивают куплет. Запевалы называются *кафлесгуй* — *кафлес* — «уполовник», а подпевалы — *қошуқгуй* — *қошуқ* — «ложка». Объяснить смысл этих терминов довольно затруднительно, известны они лишь на Вандже и в Бадахшане, и даже у соседей-таджиков благодаря возникающим ассоциациям вызывают ироническую улыбку.²

Пение сопровождает все элементы свадьбы — обряжание жениха, невесты, свадебной поезд, прибытие жениха в дом невесты, пир в доме невесты, увоз невесты в дом жениха, главное веселье в доме жениха — свадебный пир. При этом свадьба может длиться до семи дней.

Мы здесь не будем останавливаться на свадебной обрядности как таковой: известны работы П. А. Кислякова и его обобщающая монография;³ специально бадахшанская свадьба описана А. А. Бобринским,⁴ М. С. Андресвым и А. А. Половцевым⁵ и в труде М. С. Андреева.⁶ Однако, несмотря на большую ценность этих описаний, в них содержатся и пробелы, поэтому нам придется иногда останавливаться на некоторых деталях брачного обряда. Следует еще отметить, что даже в одном регионе (Бадахшан) среди различных населяющих его народностей можно обнаружить расхождения и в свадебных обрядах и специфические локальные черты, так же как и в свадебном фольклоре.

Насколько нам пришлось наблюдать, в настоящее время в горном Таджикистане — Дарваз, долина р. Хингоу, Каратегин — свадебный фольклор утратил свое разнообразие, в то время как на Вандже и в Бадахшане песня сопутствует всем элементам свадебного обряда. Вместе с тем многие свадебные обряды являются общими для всех таджикоязычных районов. Так, жених повсеместно величается *ша*, *шоҳ*, *подшоҳ* (шах, князь, падишах), в Дарвазе, Вандже и Бадахшане — также *шамард* (князь-мужчина), в обычной речи жених (*домод*), невеста обозначается — в горных районах *арус* (арабское) и в равнинных *келин* (тюркское).

Одним из начальных свадебных обрядов является обряд бритья головы жениха. В Бадахшане в это время певцы поют величальную, в которой поэтически воспеваются внешность жениха:

*Имруз чи рузи сартарошон?
Шоҳ, ҷонаки, ҷон, ҷони ҷонон!*

Что сегодня за день бритья головы?
Шах, душенька душа, душа милого!

² Возможно, эти термины связаны с тем, что *кафлесгуй*-запевалы — главные певцы, а *кошуқгуй* — подпевалы.

³ Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков. Л., 1959.

⁴ А. А. Бобринский. Горцы верховьев Пянджа. М., 1908.

⁵ М. С. Андреев и А. А. Половцев. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. СПб., 1911.

⁶ М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. I. Душанбе, 1953, стр. 120—177.

Эти две строки являются рефреном, который далее сопровождает каждую строку песни: голова шаха — круглый арбуз, глаза шаха — томные, опьяняющие, нос шаха — трепещущее лезвие, губы шаха — смеющаяся (раскрытая) фисташка, шея шаха — афганский баяз (значение неясно, по-видимому, баяз связан с близной), брови шаха — мультанский лук, походка шаха — грациозная куропатка. В некоторых вариантах это описание расширяется: волосы шаха — черны, как ночь, лоб шаха — трон царя Соломона, отец шаха сидит на декуне,⁷ зубы шаха — жемчужины, язык шаха — сладкозвучный соловей, лицо шаха — ясный месяц, стан шаха — трепещущий бутон, пальцы шаха — рушанский фитиль, на ногах шаха — бадахшанские туфли. В каждом варианте эти детали описания внешности жениха соответственно фантазии певцов могут расширяться или сокращаться. В варианте, записанном в Гороне, текст довольно близок к приведенному выше, но припев иной: *ай, хай, шахи хубон* («эй, эй, шах красавец»)⁸. Обращают на себя внимание сравнения в этой песне и отражение в ней происхождения некоторых предметов: рушанский фитиль, бадахшанские туфли, мультанский лук.

Далее при обряде жениха поется песня «*Дасту ману доманат*» («Моя рука — твоя пола»), в которой последовательно перечисляются все предметы свадебного наряда жениха: *чураб* (шерстяные узорные чулки), *муза* (сапоги), *курта* (рубашка), *чома* (халат), *чакман* (чекмень — шерстяной домотканый плащ), *тоқи* (тюбетейка), *салла* (чалма), *фута* (матерчатый пояс). В общем, это обычный мужской костюм, только новый. Иногда певцы опускают какую-нибудь деталь одежды, иногда — добавляют.

После обрядания жених выходит из дома и в сопровождении поезжан и певцов с бубнами отправляется в дом невесты. В пути певцы очень громко поют и бьют в бубны. Нам пришлось наблюдать современный свадебный поезд в Ишкашине, жених с поезжанами отправлялся за невестой из ишкашимского кишлака Рын в таджикоязычный кишлак Баршор в Гороне. Все ехали на грузовике, дружки были повязаны через плечо красной материей, музыканты и певцы громко пели и били в бубны. Сопровождая жениха в дом невесты, певцы обычно поют песню: *Шои мо дар сафар, подшои мо нав сафаре* («Шах наш в путешествии, шах наш в новом путешествии»). Под этот припев поются двустихия, после каждого стиха следует припев:

Шои ман(мо)дар сафар
Подшои ман нав сафаре
Биё, ки рӯзат гирам
Шои мо дар сафар.
Ёрам ба савдо меравад,
Савдо савдои мо шавад,

Шах наш в пути,
 Падшах наш в новом путешествии.
 Позволь получить у тебя разрешение,
 Шах наш в пути,
 Мой друг поедет торговать,
 Торговля будет нашей [успешной].

⁷ *Декун* — глинобитные нары вдоль стен комнаты, на которых сидят и спят.

⁸ Запись студентки Дилафруз Икрами в Андаробе, летом 1961 г.

*Руи рақиб сӣё шавад,
Шои мо дар сафаре.
Ман омадам то дарате,
Шона занам ба сарате,
Ерам шавад шавҳарате.
Шои мо дар сафар.*

Лицо соперника почернеет от зависти,
Шах наш в путешествии.
Я подошел к твоим дверям,
Расчесу твои волосы гребнем,
Мой друг станет твоим мужем,
Шах наш в пути.⁹

Когда свадебный поезд находится в пути, поются различные лирические четверостишия — *рубои* (в Бадахшане их называют *байд*), также объединенные общим рефреном: *Шоҳи мо дар сафаре, подшоҳи мо навсафаре* («Шах наш в пути, падишах наш в новом путешествии»). На Вандже в это время поется другая величальная песня: *Шоҳи мо озодақабое, аспаки давандапое* («Шах наш в нарядном плаще, [под ним] быстроногая лошадка»). Эти и последующие песни поются в первый день свадьбы, который у таджикоязычных бадахшанцев называется особым термином *това*.

Жених подъезжает к дому невесты. Здесь уже певцы поют песни, посвященные девушке, ее обряжанию, уходу из дома отца в дом будущего мужа и др. На верхнем Вандже в этом случае исполняется дуэт-диалог — один певец спрашивает, другой как бы от имени невесты отвечает и при этом показывает, как одеваются различные предметы одежды:

*Ақлун бозор будум, ёри ҷон, бозор будуме,⁹
Ҷиҳо хариди, ёри ҷон, ҷиҳо хариди?
Собат харидам, ёри ҷон, собат харидам...
Ҷита, читаш, менуши? Ҷита, читаш менуши?
Наита, наита менушам, наита, наита менушам!*

Теперь я был на базаре, дорогой друг, был на базаре.
Что ты купил, дорогой друг, что ты купил?
Платок для тебя купил, дорогой друг, платок для тебя!
Как, как ты его наденешь?
Вот так, вот так я падену...

Таким образом перечисляются поочередно все предметы свадебного женского наряда: *соба* — «платок», *курта* — «платье», *эзор* — «шаровары», *мура* — «бусы», *кави* — «туфли». В это же время поют прощальную (Вандж): *Гуларусак, сарта боф, оли вадаи рафтанай, вало, било, набофмеш, нобофтаныш битарай* («Юная невеста, заплети волосы, настало время ехать! Клянусь богом, не буду заплетать, лучше оставить их незаплетенными»). Далее девушке предлагают накинуть на голову платок, надеть платье и т. п., она отказывается и в заключение говорит: «Я никуда не пойду, отцовский дом дороже мне всего».¹⁰ В Бадахшане

⁹ Запись студента М. Салихова в Зунге, летом 1962 г.

¹⁰ Намунаҳои фольклори Дарвоз. Чамъқунанда ва тартибдиҳанда А. З. Розенфельд (Образцы дарвазского фольклора. Собрала и составила А. З. Розенфельд). Душанбе, 1962, стр. 167; ср. также персидский вариант: Образцы персидского народного творчества. Собрал и перевел В. А. Жуковский, СПб., 1902, стр. 143.

как будто эта песня не встречается, но близкие к ней варианты записаны Р. Амоновым в Кулябе¹¹ и Н. Нурджановым в Дарвазе.¹²

При входе жениха в дом невесты певцы поют: *Шоҳи мо омад, подшоҳи мо омад, шод бошед, бо шоди омадем, мо дар ин хона бо шоди омадем!* («Приехал наш шах, приехал наш падишах, радуйтесь, мы приехали с радостью, мы приехали в этот дом с радостью!»). Сидящие в доме приветствуют гостей: *Хуш омаде, ёре, меҳмони мо, бар дида, ёре, бар ҷони мо* («Добро пожаловать, наш гость, готовы служить, друг, всей душой»)¹³. В доме невесты происходит обряд бракосочетания, который довольно прост и традиционен. Жених до утра остается в доме невесты, подается разнообразное угощение, поются песни. На следующий день свадебный поезд с невестой и ее близкими родственниками возвращается в дом жениха.

В Гороне (кишлак Козидех) на невесту надевают множество платьев, последнее с богатой вышивкой, голову повязывают пятью-шестью платками один поверх другого, затем ее сажают на лошадь и с головы до ног окутывают белым кисейным покрывалом — *суворчодир*, которое покрывает и лошадь.¹⁴ Этот факт нигде в литературе не отмечен и, по-видимому, относится лишь к местному варианту свадьбы (попутно укажу, что все горонцы считают себя выходцами из правобережного афганского Горона).

Перед выходом из дома невеста благоговейно дотрагивается рукой до верхней священной части очага (*лангар, пира*), на котором стоит *буи* — ритуальное благовоние — масло, смешанное с мукой и ароматным растением *сепандр* или *сетрахм*, затем девушка целует кончики пальцев, после этого берет немного золы из очага и сыплет себе за голенище сапог. Этот ритуал, по-видимому, связан с древнейшими верованиями в силу огня и отражает древний огнепоклоннический культ; возможно, также он олицетворяет прощание с духом предков — покровителей дома (Н. А. Кисляков, М. С. Андреев). Этот обряд совершают и перед отъездом в дальние края.

С культом огня связан и другой обычай, как будто ранее нигде в литературе не отмеченный. При посещении мужчинами летовки (*айлок*) на седьмой день после того, как туда был переведен скот

¹¹ Эҷодӣғи даҳанакии аҳолии Кулоб. Тартибдиҳанда Р. Амонов (Устное творчество жителей Куляба. Составитель Р. Амонов). Душанбе, 1963, стр. 175.

¹² Н. Нурджанов. Отчет о работе во время Гармской этнографической экспедиции 1954 г. «Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР», т. 10—11, Душанбе, 1956, стр. 5.

¹³ Рубоӣғ ва сурудҳои халқи Бадахшон. Ҷамъкунанда ва тартибдиҳанда Нисор Шакармуҳаммадов (Рубои и народные песни Бадахшана. Собрал и составил Нисор Шакармухамедов). Душанбе, 1965, стр. 89—90.

¹⁴ Запись автора в кишлаке Козидех летом 1962 г. от Гуломносировой Сафармо, 50 лет.

и отправлены ухаживающие за ним женщины, мужчины и подростки с зажженными пучками травы *зағ* идут в горы на летовку, они вертят над головой горящую траву и поют песни, так же как и встречающие их женщины:

*Зағ гардон,
Зағ гардон!
Шири мо ғарғара шир,
Шири шумо — оби панир.*

Вращай *зағ*, вращай *зағ*!
Наше молоко — жирное,
Ваше молоко — сыворотка из-под
творога.¹⁵

Когда невеста выходит из дома, поют прощальную песню, очень распространенную в различных вариантах и в других районах Таджикистана: *Эй, гула бурдан, гула, сумбула бурдан, гула* («О, увезли цветок, увезли гиацинт, цветок»). С этим зачином и рефреном в Бадахшане (Андароб, Ямг, Вранг, Зунг) исполняются различные стихи. Приведем вариант, записанный в таджикоязычном кишлаке Андароб (Ишкашимский район):

*Эй, гула бурдан, гула,
Сумбула бурдан, гула.
Сарсари қала гул,
Афтоб баромад, гул,
Арчанд шиштам, гул,
Ёрам наомад, гул,
Лаблаби полез, гул,
Курта кановез, гул,
Чилими гулрез, гул,
Бикашу бигрез, гул,
Даруни хиргоф, гул,
Номат Зулайхо, гул...*

О, цветок, увезли цветок,
Гиацинт увезли, цветок,
По всей крепости цветок,
Солнце взошло, цветок,
Сколько ни сидели, цветок,
Друг не пришел, цветок,
По краю огорода, цветок,
Платье шелковое, цветок,
Кальян изукрашенный, цветок,
Покури и убегай, цветок,
Внутри шатра, цветок,
Тебя зовут Зулейха, цветок,
и т. д.

Существуют различные варианты этой песни, но в других районах исполняются вообще другие прощальные песни, например на Бартанге: *Шаҳду шакар, ёрак аз ман, Биё, равем, хона аз ман*, и т. д.

Сласти и сахар, дружок, от меня,
Давай поедим, дом — от меня,
Голова — твоя, платок — от меня,
Волосы — твои, гребень — от меня,
Глазки — твои, сурьма — от меня,
Губки — твои, поцелуй — от меня,
Ушки — твои, серьги — от меня,
Шея — твоя, бусы — от меня,
Ручка — твоя, браслет — от меня,
Пальчик — твой, колечко — от меня,
Ножки — твои, туфли — от меня,
Стан — твой, платье — от меня.¹⁶

¹⁵ Такую процессию с горящими пучками травы мы наблюдали в августе 1966 г. на афганском берегу в Ишкашине. По свидетельству местных жителей, этот обычай распространен и в настоящее время в советском Бадахшане.

¹⁶ Рубоиёт ва сурудҳои халқии Бадахшон, стр. 89—90.

Как выше говорилось, на обратном пути к дому жениха поют различные лирические четверостишия. При приближении к дому, когда жених и невеста входят в дом, на Вандже поют песню с рефреном: «*Хуш омад, ёре, меҳмони мо, бар дида ву ҷоне, меҳмони мо*» («Добро пожаловать, друг, наш гость, всей душой готовы служить, друг, наш гость!»).¹⁷ Далее следуют различные четверостишия.

Особенно популярна величальная песня, которая поется, когда жениха и невесту усаживают на *декуни шахшин* — (нары, где сидит жених). Для новобрачных устраивают на одеялах ложе, перед ними вешают занавеску из красной материи, все это называется *тахт* (трон). С невесты снимают одно-два верхних платья и платки, чтобы ей было легче сидеть, между молодыми сажают посаженную мать *модархон*, и по обычаю они должны сидеть здесь семь дней.¹⁸ В течение всего этого времени продолжается свадебный пир — *туи асоси* (основной туй). Гости сидят на *декун* — мужчины по правую сторону от входа, женщины на обычном женском месте, возле очага. В это время поют величальную:

Шоҳ муборақ бод!
Подшоҳ муборақ бод!
Шоҳ масту хумор аст,
Муборақ бошад!
Мавсими буса канор аст,

Пусть будет счастлив шах!
Пусть будет счастлив надишах!
Шах опьянен,
Пусть будет счастлив!
Настало время объятий и поцелуев,

Муборақ бошад!

Пусть будет счастлив!

Далее исполняются различные четверостишия и другие песни. На Вандже поется другая величальная:

Гоҳ, гоҳ мастам, хуморат боши,
Дастаи гул дар дастам, канорат боши.

Временами я пьянею, будь и ты опьянена,
В руках у меня букет цветов, будь в моих объятиях.

Там же поется и другая песня:

Аҷаб нигорме хам-хам задаст зулфонат,
Ширин нигорме гирди лабат хандонат.

Удивительная красавица, завилала свои локоны,
Сладостная красавица со смеющимися устами.¹⁹

На свадебном пиру местные забавники показывают различные пантомимы,²⁰ поют песни, но две из них являются сугубо

¹⁷ Намунаҳои фольклори Дарвоз, стр. 168.

¹⁸ Сколько сидят новобрачные на самом деле, сказать трудно. Во всяком случае, жених и невеста не имеют права сходить с места без крайней надобности. На Вандже и как будто в других местах нет обычая, чтобы жених и невеста сидели на «тахт» в течение семи суток.

¹⁹ Намунаҳои фольклори Дарвоз, стр. 169.

²⁰ М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. II. Душанбе, 1958, стр. 146—155. См. также: Н. Нурджонов. Некоторые архаические черты в танцах и пантомимах горных таджиков. «Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР», т. 10—11, Душанбе, 1956.

местными и исполняются только на свадьбе: «*Юсуф аз дасти Зулайхо надорад завқи тамошо, ёре*» («По вине Зулейхи Юсуф не может наслаждаться зрелищем, друг»). Это местная версия, бытующая в многочисленных вариантах, широко известного в литературах Ближнего Востока сюжета (коранического, библейского) об Иосифе Прекрасном и жене Пентефрия. Основное содержание местной песни неизвестного автора — страдания коварно обманутого завистливыми братьями любимого сына пророка Иакова (Якуба) — Юсуфа и помощь Юсуфу, посылаемая богом.²¹ Трудно сказать, почему эта песня стала свадебной (иногда она входит составной частью в сказку или повесть «Юсуф и Зулейха»). Возможно, что это чистая случайность, но, может быть, эта песня должна как бы предостеречь молодых, напомнить им, что в жизни бывают не только розы, но и тернии. Остановимся на интересной театрализованной игре *мағул бози* («монгольская игра»), сопровождаемой второй свадебной песней, которую автор имел возможность наблюдать в таджикоязычном кишлаке Ямг (Вахан) в 1962 г. и в ваханском кишлаке Наматгут в 1968 г. Женится уже немолодой вдовец Захрабо на вдове. Попутно упомяну об одном древнем обряде, на который обратил мое внимание сам жених. Во время свадебного пира он вышел во двор, где обнял росшее здесь дерево, как бы обручившись с ним. Этот обряд описан также М. С. Андреевым в Хуфе и А. А. Бобринским, но они указывают, что «обручается» с деревом вдова, у которой умирали мужья.

Игра *мағулбози* носит несколько грубоватый, фамильярный характер. Сходная игра описана и М. С. Андреевым, но он не приводит ее названия.²² Суть ее заключается в следующем: двое мужчин переодеваются в одежды есаула и невесты. Выбирается или назначается есаул, какой-нибудь мальчишка исполняет роль осла. У есаула в руках плетка или палка. Сначала «невеста», кокетливо закрывая лицо, танцует в круге, при этом певцы поют песню «*Мағулдухтар*» («Монгольская девушка»; в дальнейшем: «монголочка»), потом исполняющий роль невесты неожиданно бросается к кому-либо из почетных, состоятельных гостей и прижимается к нему с такой силой, что его нельзя оторвать. Тотчас подходит есаул и требует штраф, выкуп якобы за то, что гость польстился на «невесту», гость может откупиться от настойчивой «невесты», лишь уплатив несколько рублей. Такой маневр продолжается до тех пор, пока участники игры не наберут достаточную сумму денег. Есаул по пути довольно сильно бьет плетью «осла». Поднимается невообразимый шум, хохот, веселье достигает апогея.

²¹ А. З. Розенфельд. Бадахшанская версия свадебной песни «Юсуф и Зулейха», «Палестинский сборник», вып. 21. Изд. «Наука», Л., 1970, стр. 62—67.

²² М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. I, стр. 150.

Песня «*Мағулдухтар*» также имеет множество вариантов, опубликован вариант, записанный на Вахше.²³ В Бадахшане эта песня также входит составной частью в сказку с таким же названием.²⁴ На свадьбе исполняется только песня. После каждого куплета (трехстишия или четверостишия) следует рефрен: «*Биё, нозукмағул, ёре!*» («Приди, нежная монголочка, друг!»). Приведем в переводе вариант, опубликованный на таджикском языке Шакармухаммедовым:

У меня двести ружей и пуль,
Есть у меня двести гнедых коней.
Утро (?), хочу воевать,
Приди, нежная монголочка, друг!
Монголочка, цветок хлопка,
Высокого роста в красных сапожках,
Неужели тебе меня не жаль?
Приди, нежная монголочка, друг!
Монголочка в этом саду,
Два локона — воронье перо,
Юноша-араб сохнет по ней,
Приди, нежная монголочка, друг!
Монголочка — цветок хлопка,
В руках у тебя цветы,
Неужели тебе меня не жаль?
Приди, нежная монголочка, друг!
Монголочка — цветок пшеницы,
Люди осуждают (меня),
Я не боюсь людей,
Приди, нежная монголочка, друг!
Монголочка, моя любимая,
Врачеватель моей сердечной раны,
Где моя судьба?
Приди, нежная монголочка, друг!²⁵

В варианте, записанном в Зунге,²⁶ зачин другой: «*Мағул омад, мағул омад, мағул аз раи дур омад*» («Пришли монголы, пришли монголы, издалека пришли монголы»), после чего следует новый вариант песни, сопровождаемый этим рефреном.

Поскольку это очень популярное произведение, оно бытует в большом количестве вариантов, в которых встречаются и повторяющиеся строки. Здесь мы не будем рассматривать каждый

²³ Сумане аз ҳар чамане. Тартибдиҳандагон А. Назарова, А. Ширинова (По цветку из цветника. Составители А. Назарова, А. Шарипова). Душанбе, 1966, стр. 81.

²⁴ Текст сказки на ваханском языке записал осенью 1967 г. И. М. Стеблин-Каменский в кишлаке Зумудг (Вахан). Там же летом 1968 г. эта же сказка вместе с песней записана нами на таджикском языке на магнитофонную ленту при участии И. М. Стеблин-Каменского. Ср. также персидский вариант этой сказки со стихами «*Муғул-Дохтар*» («Девушка-монгол») из сборника Кухи Кермани «Понздах афсане аз афсанехайе рустайе Иран» (Пятнадцать деревенских сказок Ирана. Тегеран, 1954); русский перевод «*Муғул-Дохтар*» см. в кн.: Персидские сказки. М., 1958, стр. 129—137.

²⁵ Рубоӣёт ва сурудҳои халқии Бадахшон, стр. 81—82.

²⁶ Запись М. Салихова, летом 1962 г.

из этих вариантов, так как они не имеют прямого отношения к свадебному обрядовому фольклору, приведем лишь еще одну запись:

*Муғулҳо омад, муғулҳо омад,
ай, ҳай муғуле.
Муғулдухтар гули анҷир,
Задаст зулфои хид занҷир.
Муғулдухтар гули гандум
Дар аму ранги зардат мурдым.
Муғулдухтар гули ғуза,
Дылат бар мо намесуза?
ай, ҳай муғуле.*

Пришли монголы, пришли монголы,
ай, ай, монголы.
Монголочка цветок инжира,
Свои локоны свила в кольца.
Монголочка — цветок пшеницы,
Я умру за твой желтый цвет (лица).
Монголочка — цветок хлопка,
Неужели тебе меня не жаль?
ай, ай, монголы.²⁷

Отметим еще одно произведение свадебного репертуара — рифмованную кумулятивную сказку, которую рассказывает какая-нибудь женщина, когда приобщают молодую к домашнему хозяйству. В Бадахшане по истечении семи (или менее) дней снимается *тахт* — занавеска, за которой сидят новобрачные, посаженный отец *падархон* заворачивает в нее *кулча* — сдобные небольшие лепешки и вместе с другими причитающимися ему подарками забирает себе. Жених переодевается в другом помещении. В это время невесте приносят муку и масло и показывают, как надо делать лепешки. Этот обряд в других районах Таджикистана называется *дастбеша*, или *дастпеша*.²⁸ В Каратегине, на Варзобе и Зеравшане в это время молодой рассказывают сказку «*Муручка дар дег зад, мурд*» («Муравей свалился в котел, умер»). Известен также и персидский вариант.²⁹ В Бадахшане во время описанного выше обряда эта сказка не рассказывается.

В данной статье мы не исчерпали весь свадебный фольклор, и при его большой вариантности в Бадахшане это не так легко сделать.³⁰ Памирцы, в особенности рушанцы и шугнанцы, исключительно музыкальны, среди них очень развиты самобытные театрализованные игры, танцы, песни, именно они нередко на свадьбах и других праздниках в Ишкашине и Вахане являются исполнителями песен. Укажем еще, что обычно элементом свадебной песни является слово *ёр* (друг), в персидских свадебных песнях — *лайли*.³¹ Существует также и много пародийных, иногда непристойных свадебных песен.

Самой распространенной игрой девочек в Бадахшане и в других районах Таджикистана является игра в куклы, при этом обычно одна кукла выполняет роль жениха, другая — невесты. В игре дети повторяют весь свадебный обряд, сопровождаемый свадебными песнями.

²⁷ Записано автором в кишлаке Яхшволь (Ишкашим) в августе 1966 г.

²⁸ Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков, стр. 119—120.

²⁹ А. З. Розенфельд. Из области таджикско-персидских фольклорных связей. «Советская этнография», 1948, № 1.

³⁰ М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 1, стр. 141—144.

³¹ Недавно опубликована интересная статья, посвященная свадебным песням Шираза: А. М. Шойтов. Ширазские свадебные песни. «Народы Азии и Африки», № 6, 1968, стр. 133—140.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ФОЛЬКЛОР И ЭТНОГРАФИЯ

ОБРЯДЫ И ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1974

«ГОВОРАИ НОЗ» — ДРЕВНИЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ
ОБРЯД НА ВАНДЖЕ (ТАДЖИКСКАЯ ССР)
И ТРАУРНЫЕ РУБОИ

До сих пор на Вандже, в Дарвазе (Горно-Бадахшанская автономная область Таджикской ССР) и в районах бывш. Кулябской области (в дальнейшем — Куляб) сохраняется погребальный обряд под названием «говораи ноз» (*гувораи ноз*, *гафвораи ноз*) — 'нежная колыбель', 'ласковая колыбель'. Известно, что мусульмане повсеместно относят своих умерших на кладбище на погребальных носилках — *тобут* (*тобут* значит также 'гроб'). Однако в указанных выше районах наряду с этим, если умирает юноша, девушка или молодая женщина, то покойного кладут на носилки, над которыми сооружают из продольно укрепленных жердей и согнутых в дугу и укрепленных поперечно веток или прутьев нечто вроде навеса. На этот каркас набрасывают цветную дорожную материю, красивый платок или шаль, принадлежавшие покойной.¹ В кишлаке Дашти джум (Куляб) вообще всякую женщину хоронят, устраивая над погребальными носилками описанный выше каркас и покрывая его дорогой материей или платком покойной. По словам информаторов, при виде такого сооружения (*гафвора*, *гувора* 'колыбель') каждый узнает, что хоронят женщину.² Такие носилки с навесом похожи на местную детскую колыбель с продольной по длине колыбели палкой и наброшенным поверх нее одеяльцем или куском материи.

В дарвазских говорах таджикского языка употребляется ряд выражений, связанных с обрядом «говораи ноз». Так, например, вместо грубого проклятья «Чтоб ты помер!» говорят: «Чтоб я увидела тебя в твоей „говораи ноз!“» — *Дар гувораи нозэт бинам!* Или если человек похвастается ценной редкой вещью, в чем сомневается его собеседник, то он может ему сказать: *Ин хел чизора дар гафвораи нозэт ки набини, дига на бини!* —

¹ Записи автора на Вандже в 1949—1961 гг. См. также: Рахимов М. Обычаи и обряды, связанные со смертью и похоронами у таджиков Кулябской области. — Изв. Отд. общ. наук АН ТаджССР, № 3, Душанбе, 1953, с. 120.

² Записи автора в кишлаке Дашти джум летом 1970 г. Подобный обычай имел в прошлом место и в Шугнане (запись 1973 г.).

‘Уж если ты таких [дорогих] вещей не увидишь в своей говораи ноз, то тебе этого [зовек] не видать!’ (т. е. у тебя этого нет и не может быть).³

Впервые мы встретились с этим термином в сатирическом экспромте известного на Вандже поэта прошлого века Мулло Ёра Ванджи, в творчестве которого отразились многие черты жизни Ванджской долины конца XIX в.⁴ В сатирическом стихотворении автор высмеивает одного мулло, который горюет по поводу павшего осла:

*Ҳамон харро бибанд акнун чинон гаҳвораи нозаш,
Мулло Гул, агар раис дам зад, бигу ғарфи дигар бозаш*
‘Повяжи теперь осла [словно бы он лежал] в «гахвораи ноз»,
Если раис слово молвит, скажи ему, мулло Гуль, еще что-нибудь».⁵

Несомненно, что обычай «говораи ноз» сохранился на Вандже и в других горных районах Таджикской ССР как пережиток глубокой старины. В древности рассматриваемого обычая убеждает нас и тот факт, что описание сходного обряда имеется в поэме «Искандер-наме» Низами Гянджеви (1141—1209). Во второй части поэмы, известной как «Экбаль-наме», в сцене похорон Александра Македонского говорится:

Когда весна Искандера от сильного ветра
На землю упала с царского древа,
Устроили из его золототканых поясов
Золотую колыбель — достойную его,
Шелковую, внутри ее полно камфары.
На парчу снаружи нашили жемчуг.
В скоплении мускуса, мирта, алоэ,
Волна тайфуна щедрости поднялась до Арарата.
Наперсник, натеревший благовониями ему саван,
Положил его в золотой табут.⁶

В приведенном отрывке говорится, что Александра положили в «золотую колыбель» — *маҳди заррин* (*маҳд* арабское ‘колыбель’), сотканную из его золотых поясов, затем эту «колыбель» поставили в золотой гроб — *табуте заррин*. У другого крупного классика персидско-таджикской литературы Абдуррахмана Джами (1414—1492) в поэме, написанной в подражание Низами «Хи-раднамее Искандери» — «Книга мудрости Александра», также

³ Записи, сделанные в Дарвазе по просьбе автора в 1961 г. бывш. студентом восточного факультета ЛГУ Савлатшо Мергановым, уроженцем Дарваза.

⁴ Розенфельд А. З. Новые материалы о ванджском поэте Мулло Ёре. — В кн.: Иранская филология, КСИНА, т. 67 (сб. в честь 85-летия чл.-корр. АН СССР проф. А. А. Фреймана). М., 1963.

⁵ Мулло Гуль — учитель Мулло Ёра; *раис* — духовное лицо, наблюдавшее за выполнением мусульманами религиозных предписаний. Запись на Вандже от М. Ходжаева в 1961 г.

⁶ Гянджеви Низами. Экбаль-наме. Составитель научно-критического текста Ф. Бабаев. Ред. Е. Э. Бертельс. Баку, 1947, с. 206, бейты: 134—138.

упомянуто, что тело Александра положили в «золотую колыбель» — *маҳди заррин*:

Предводители положили [его] в золотую люльку
На спины верблюдов гороподобных его,
Верблюдов, рассекающих степь, огромных как горы,
Горбы их от той люльки [словно] горы золота.⁷

И у Низами, и у Джами Александра кладут в золотую колыбель, которая обозначается словом *маҳд* (арабск.); в Дарвазе, Кулябе и на Вандже колыбель, люлька называется *говора* (*гафвора*, *гувора*), а погребальная колыбель — *говораи ноз*. Таким образом, оба эти термина являются полными синонимами не только в их буквальном, но и в метафорическом значении.

Отметим, что «говораи ноз» имеет еще и другое значение, а именно 'богатое ложе', 'мягкая постель', например, в сказке: *Подио паризодро ба қал'аи ҳад бурд ва ба кампир гувораи ноз кард, чил зан ба у каниз дод*. — 'Падисах перирожденную отвел в свой замок, а старухе сделал роскошное ложе (мягкое ложе), дал ей сорок женщин в качестве служанок'.⁸

Широкую известность в науке приобрели замечательные настенные росписи из древнего Согда, обнаруженные при раскопках на городище древнего Пенджикента. Среди этих росписей имеется фреска из объекта II на южной стене четырехколонного зала, получившая название «Сцена оплакивания». Вот как трактует эту фреску А. Ю. Якубовский: «Наше внимание прежде всего привлекает необычное архитектурное сооружение типа павильона из дерева и тканей. На горизонтальном круте покоится ребристый красного цвета купол. В свою очередь круг лежит на полукруглых арках, три из которых обращены в сторону смотрящего». ⁹ Так же описывает ее и М. М. Дьяконов: «В центре всей композиции находится катафалк, изображенный в виде деревянного (?) павильона с арочками и красным матерчатым куполом, натянутым на деревянный каркас. В проемах трех арок распростертое тело юноши и фигуры плакальщиц, рвущих на себе волосы». ¹⁰

⁷ Джами Абдуррахман. 1) Хираднамее Искандери. кн. седьмая, литография Яковлева. Ташкент, 1914, с. 499; 2) Куллият. Рукопись восточной б-ки ЛГУ (Дорн, 422), лл. 632б, 644а (тот же текст). Эту справку любезно предоставил в мое распоряжение выпускник восточного факультета ЛГУ Додар Мирзоев.

⁸ Запись И. М. Стеблина-Каменского в Ямге (Вахан) в 1968 г. В языке таджикско-персидской классической литературы *маҳд*, кроме значения 'колыбель', также метафорически может значить 'постель', 'ложе', 'паланкин', 'трон', 'спокойное место': См.: Словарь таджикского языка, X—начало XX в. М., 1969, с. 674.

⁹ Якубовский А. Ю. Древний Пенджикент. По следам древних культур. М., 1951, с. 252.

¹⁰ Дьяконов М. М. Росписи Пенджикента и живопись Средней Азии. Живопись древнего Пенджикента. М., 1954, с. 111, табл. XIX, XX. —

В упоминавшейся поэме Низами «Искандер-наме» в главе, посвященной победе Александра Македонского над Дарием и его похоронам, говорится:

Искандер приказал, чтобы приготовили [все, что нужно],
[И] отвезли его [Дария] обратно в прежнее место.
Из золотой колыбели и купола каменного
Приготовили для него место пребывания.¹¹

Эти строки позволяют связать между собой изображенное на пенджикентской фреске погребальное сооружение с куполом, описание погребального обряда у Низами (похороны Дария и похороны Александра) с обрядом «говоран поз» на Вандже, пережитком глубокой старины.

На пенджикентской фреске в «сцене оплакивания» изображены также плакальщицы и участники церемонии, надрезающие мечами мочки ушей или рвущие волосы на голове. Обычай оплакивания с расцарапыванием лица в кровь, выдираньем волос и раздираньем одежды можно и сейчас наблюдать повсеместно в горном Таджикистане.¹²

В долине Язгулема, связанной самыми тесными узами с Ванджем, еще совсем недавно, в наше время, существовали траурные танцы вдовы умершего, исполнявшиеся с пением траурных рубон под аккомпанемент музыкальных инструментов в течение трех дней.¹³ В Язгулеме и Рушане мать, оплакивая ребенка, исполняла траурный танец и рубон только в первую ночь и сопровождала его до могилы, так же как и вдова тело своего умершего мужа.¹⁴

В рассказе о поездке в Йемен П. Грязневич упомянул и тот факт, что в Йемене мужчины хоронят на обычных погребальных носилках, а над женщинами устраивают род балдахина (устное сообщение 1968 г.).

¹¹ Гянджеви Низами. Шереф-наме. Составитель научно-критического текста А. А. Али-заде. Ред. Е. Э. Бертельс. Баку, 1947, с. 158, гл. XXIX, ст. 184, 185.

¹² Рахимов М. Обычаи и обряды, связанные со смертью и похоронами у таджиков Кулябской области, с. 116, 127.

¹³ Кисляков Н. А. Язгулемцы. (Этнографический очерк). — Изв. ВГО, 1948, № 4, с. 370. — Подробное описание траурного танца вдовы в Язгулеме и Рушане см.: Андреев М. С. К характеристике древних таджикских семейных отношений. — Изв. Инст. ист., яз. и лит. Таджикского филиала АН СССР, Душанбе, 1949, с. 4—6. В этой же статье автор приводит свидетельство капитана Вановского, относящееся к 1893 г., наблюдавшего в Рушане аналогичный вдовый танец (там же, с. 6, прим. 2). О ритуальных траурных танцах в Ура-тубе со слов Раджаба Амонова сообщает и М. Рахимов (Обычаи и обряды, связанные со смертью и похоронами у таджиков Кулябской области, с. 114); о ритуальных траурных танцах и песнях в Дарвазе см.: Рахимов М. Р. Некоторые результаты работы во время Гармской этнографической экспедиции 1954 г. — Изв. Отд. общ. наук АН ТаджССР, Душанбе, 1956, с. 70. См. также: Моногарова Л. Ф. Материалы по этнографии язгулемцев. — В кн.: Среднеазиатский этнографический сборник. М., 1959, с. 81—83.

¹⁴ Андреев М. С. К характеристике древних таджикских семейных отношений, с. 6.

М. С. Андреев пишет: «По словам стариков, когда-то такой танец оплакивания вдовой смерти своего мужа в течение трех ночей существовал и в Ванче, но муллам удалось в конце концов его искоренить».¹⁵ Если самый танец на Вандже больше не исполняется, то обычай оплакивания в песнях (рубои) вдовой или матерью сохраняется и сейчас. Однако только на Верхнем Вандже женщины-плакальщицы, в том числе и вдова, и мать умершего, с пением траурных рубои идут (или шли) впереди похоронной процессии до кладбища. Траурные рубои исполняются и при обряде «говоран поз».

Рубои-четверостишие — одна из самых распространенных форм песенного фольклора горных таджиков. Рубои сопровождают различные обряды, например, свадебный,¹⁶ трудовые процессы — коллективную жатву, веяние зерна — или приурочены к событиям повседневной жизни и призваны выражать различные чувства: любовь, печаль по поводу разлуки, сетования на неверность возлюбленного или возлюбленной, на тяжкую долю и т. п.¹⁷ К этому же виду народного творчества принадлежат и траурные рубои — *мотами*, бытующие как самостоятельный цикл на Вандже, в Дарвазе, в Кулябе¹⁸ и в Бадахшане.¹⁹ К сожалению, мне не пришлось слышать исполнение траурных рубои на похоронах и не удалось зафиксировать мелодию, на которую они поются. По вполне понятным причинам траурные рубои неохотно исполняют в обычное время, все же некоторое их число нами было записано на Верхнем Вандже. Во время похорон наряду с траурными исполняются и другие, печальные, рубои. Приведем несколько траурных рубои из репертуара плакальщиц Ванджа:²⁰

1. *Мо чуфти кабутарем аз села чидо,
Порина қати будем, имсол чидо,
Порина қати будем, қати мегаштем,
Имсол чидо шудем аз дасти худо.*²¹
Мы, пара голубков, отделились от стан,
В прошлом году мы были вместе, в этом году разлучены,
В прошлом году мы были вместе, вместе бродили,
В этом году разлучились по воле бога.

¹⁵ Там же, с. 7, прим. 2.

¹⁶ Розенфельд А. З. Свадебный фольклор припамирских таджиков. — В кн.: Фольклор и этнография. Л., 1970.

¹⁷ Розенфельд А. З. Дарвазский фольклор. — В кн.: Страны и народы Востока, вын. X. М., 1971, с. 214—216.

¹⁸ Устное творчество жителей Куляба, ч. I. Составитель Р. Амонов, Душанбе, 1956, с. 33—37 (на тадж. яз.).

¹⁹ Бадахшанские народные песни и рубои. Собрал и составил Инсор Шакармухаммадов. Душанбе, Ирфон, 1965, с. 101—105 (на тадж. яз.).

²⁰ Записи сделаны в сентябре 1961 г. в кишлаке Доршир (Верхний Вандж) от колхозницы Покизы Тегак, 57 лет.

²¹ Здесь и в дальнейшем записи приводятся с сохранением диалектных особенностей с добавлением нескольких знаков — губно-губного *w* и неогубленного гласного среднего ряда верхнего подъема *ə*.

2. *Имруз ману мешаки гум карда барра,
Мешураму мекобам атрофи дара,
Сангест ки чар мегара дар пои дара,
То рузи қиёмата кашам оғи барра.*
Нынче я — овечка, потерявшая ягненка,
Ищу, разыскиваю повсюду вокруг ущелья,
[Я словно] камень, оборвавшийся [с горы] вниз ущелья,
До дня воскресения из мертвых буду вздыхать по ягненку.
3. *Сар то сари пуштағо гули торун ай,
Овои равону булбули нолун ай,
Мардум меган: бе биёри осун ай,
Осун набидаст, оташи даргирун ай.*
От края до края холмы покрылись цветами торуна,²²
Бегущие ручьи, стenanье соловьев,
Люди говорят: легко без брата!
Не легко, [это] вспыхнувшее пламя.
4. *Мэн шиста будум таги чинори пургал,
Бедор шидам чи нола дорад бэлбэл?
Бэлбэл, бэлбэл, чи дор дорад дар дэл?
Имруз мена фалак чидо кардаст аз гэл.*
Я сидела под чинарой, осыпанной цветами,
Проснулась — о чем стелает соловей?
Соловей, соловей, какое горе на сердце?
Сегодня небо разлучило меня с розой.
5. *Ин моғи нава дар осмон кам будаст,
Чавру ситаме дар сари одам будаст,
Чавру ситаме бай сари одам нараси,
Ин мурдани одам ба як дам будаст.*
Этот молодой месяц мало был на небе,
Притеснение и гнет достались [на долю] человеку,
Притеснение и гнет не настигли человека,
Смерть [настигает] человека в одно мгновение.
6. *Дар сараки санг шинэм, ёдэт биканум,
Оим ба гузаргоғи ту, фаръёдэт канум,
Фаръёд кунум, ичи чавобэм надиш,
Хокғои сияға дар сарам бод канум.*
Сяду я на камень, вспомню тебя,
Пойду на место, где ты прошел, позову тебя,
Я позову тебя, ты не откликнешься,
Провею над головой своей черную землю,
7. *Бебода бағори хуррамира чи канум?
Сар бе ту ғайти зиндагира чи канум?
Халқуни худо ғумри дароз металабан,
Мэн ғумри дарози гамғатира чи канум?*
Что мне делать с цветущей весной без вина (без веселья)?
Что мне делать с жизнью без тебя?
Божьи люди выпрашивают долгую жизнь,
Что мне делать с долгой горькой жизнью?
8. *Эй тонаи чорпула чаро месузад?
Дар руи дэлам пилтаи доғ месузад,
Гуфтам: биравам, пилтаи доғро бикушам,
То рузи қиёмат чои доғ месузад.*
О, зачем пылает дом из четырех балок (большой)?
В сердце моем пылает фитиль горя,
Я сказала: пойду, потушу фитиль горя,
До дня Страшного суда будет жечь клеймо горя.

²² *Торун* — съедобное кислое на вкус растение — гречишка бухарская (Polygonum polymorphum).

9. *Имшаб чи шаб ай, ки Ҷабраил мемуи ай
Ай ғазабӣ Ҷабраил дилам ларзун ай,
Эй марг, амун бада, шавам руз гара,
Дустам чи кам ай, душманам бисъёр ай.*
Что сегодня за ночь, что Гавриил — гостем,
От гнева Гавриила мое сердце дрожит,
О, смерть, пощади, пусть моя ночь превратится в день,
Как мало друзей; [а] врагов — много.
10. *Фаръёд, ки пои нозукам дар банд ай,
Туро гами кист? Мана гами фарзанд ай,
Э, хешу табор, маро эрод нагиред,
Ин давлати ғумри одами — фарзанд ай!*
[Я] кричу, потому что ноги мои в путах,
О ком ты горюешь? Я — о ребенке.
О, родные и близкие, не попрекайте меня,
Богатство человеческой жизни — в детях!

Если по форме приведенные рубои ничем не отличаются от великого множества других лирических рубои, распространенных в горном Таджикистане, то по содержанию они достаточно характерны для похоронного цикла. В этих четверостишиях оплакивают мужа, ребенка, брата или другого близкого человека. В них содержатся жалобы на жестокость неба, судьбы, обращение к богу, архангелу Гавриилу, ангелу смерти Азраилу, упоминается день воскресения из мертвых (день Страшного суда) и т. п. В этих рубои, как, впрочем, и во многих других, отражена местная флора, например: «От края до края склопы покрылись цветами торуна» (3), «Я сидела под чинарой, осыпанной цветами» (4) и т. п. Интересно лирическое рубои, в котором осиротевшая женщина сравнивает себя с овечкой, потерявшей ягнелка, с сорвавшимся с горы камнем (2).

В репертуар плакальщиц, кроме собственно-траурных рубои, входят также и другие, посвященные разлуке или чужбине, так называемые *ғариби* — чужбинные. В горных районах Таджикистана в условиях феодальной раздробленности и бездорожья уход на заработки в отдаленные хлопкосеющие или промышленные районы Туркестана и Восточной Бухары воспринимался как отъезд в «чуждеальную страну». Долгое ожидание отходника, который не возвращался домой в течение многих лет, а иногда умирал на чужбине или в пути, породило большой цикл «чужбинных» песен и рубои.²³ Нельзя не отметить, что некоторая часть этих рубои посвящалась братьям. Приведем несколько «чужбинных» рубои:²⁴

²³ Болдырев А. Н. Чужбинная песнь. — Тр. Тадж. базы АН СССР, IX, Л., 1940. — Летом 1970 г. нами совместно с К. Хисомовым, сотрудником сектора фольклора Ин-та языка и литературы им. Рудаки АН ТаджССР в кишлаке Дашти джум был записан полный вариант этой песни. Ср. также: Ромаскевич А. А. Песнь о чужбине. — Тр. Тадж. базы АН СССР, IX, Л., 1940.

²⁴ Приведенные рубои взяты из книги: Образцы дарвазского фольклора. Собрала и составила А. З. Розенфельд. Душанбе, 1962 (на тадж. яз.).

11. {Я} кричу, потому что мы умираем в степях и пустынях,
Вдали от родины, оторванные от друзей умираем.
Пошлем мы восточку друзьям и товарищам,
Напиши нам письмо, потому что мы полные желаний
(молодые) умираем.
12. Я вышел из дома, глаза влажные.
Взираю на мир, а сердце полно горя,
Люди спрашивают: какое у тебя горе?
Эти муки странничества подобны пучине горя.
13. Пришли мне молитву (благословение) с дальней дорожки,
Имечко пришли свое с любим шахом или нищим.
Не трать свое имечко на каждого шаха и нищего,
Пришли мне прах от своих дверей и тутиё.²⁵
14. Друг мой ушел, сердце мое разбито сегодня,
В каждой ресничке капля слез сегодня,
Люди говорят: в твоём сне увидим его сон (?)
О, несведущие, что за сон [может быть] сегодня?
15. Эта высокая ива, начало ее — дальняя кибла.²⁶
Что тебе я пошлю, о далекий брат,
Нет у меня ни идущих ног, ни сильных рук.
Горе мне, бедной, гнет из-за дальней дороги.
16. Твое лицо словно блюдо роз, роса их увлажнила,
Нет никаких вестей о состоянии сердца странников,
Я сказала: пойду, спрошу у свежего нарцисса,
Как же я буду жить без тебя?

Мы остановились лишь на одном старом похоронном обряде п двух поэтических циклах — траурных (*мотами*) и чужбинных (*ғариби*) рубои-четверостишиях, бытующих в некоторых районах Таджикистана — в Ванджской долине, в Дарвазе, Кулябе. В этих горных районах, изолированных в прошлом от других областей Средней Азии, сохранилось немало пережитков древних верований, представлений, обычаев и обрядов. В дарвазско-ванджских говорах также содержится большое число архаичных черт, особенно в лексике ванджских говоров. Среди архаизмов сохранился и обряд «говораи ноз».²⁷

²⁵ *Тугиё* — по местным представлениям, чудодейственная глазная мазь.

²⁶ *Кибла* — сторона, куда обращаются мусульмане во время молитвы; также — юг, южная сторона.

²⁷ О траурных рубои в фольклоре других иранских народов см.: Руденко М. Б. Похоронные песни курдов-езидов Закавказья. — Палестинский сборник, вып. 21 (84). Ближний Восток и Иран. Л., 1970.